

АНАТОЛИЙ
САЛУЦКИЙ

ОДНАЖДЫ
В РОССИИ

УНЕСЁННЫЕ
ШКВАЛОМ 90-Х

РОМАН
РУССКАЯ КЛАССИКА

Остро о важном. Наблюдения современных публицистов

Анатолий Салуцкий

**Однажды в России.
Унесенные шквалом 90-х**

«ЭКСМО»

2023

Салуцкий А.

Однажды в России. Унесенные шквалом 90-х / А. Салуцкий — «Эксмо», 2023 — (Остро о важном. Наблюдения современных публицистов)

ISBN 978-5-04-180570-8

Роман «Однажды в России» будет интересен читателям разных возрастов – как старшему поколению, так и сорокалетним, и совсем юным. Автор описывает события, происходящие в драматическую, переломную эпоху в истории нашей страны. Не столь далекую и современникам хорошо известную, но уже слегка присыпанную пылью времени и пока не до конца осознанную. Книга повествует о судьбах двадцатилетних, угодивших в штормовые перестроечные и лихие 90-е годы. Это современная история об «унесенных ветром», любимых и любящих, обстоятельствами времени и жизни разбросанных по городам и весям. Главные герои, Вальдемар и Анна, вынуждены принимать непростые решения: с кем они? Что для них высшее благо? Что допустимо, а через что переступить невозможно? Где заканчивается самопожертвование и начинается предательство своих идеалов? Но в самые тяжелые минуты Анна вспоминает слова своего деда: мечта выше рангом, чем надежда, и всегда должна быть с тобой. Мечта, которая спасала на самом краю. А к Вальдемару приходит откровение: любовь без счастья бывает, а счастье без любви – никогда! Книга написана на основе реальных событий, происходивших в те годы в России и, в частности, в Москве

ISBN 978-5-04-180570-8

© Салуцкий А., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Часть первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Анатолий Салуцкий Однажды в России. Унесенные шквалом 90-х

Моей любимой казачке Люське

© Салуцкий А., 2023

© ООО «Издательство «ЭКСМО», 2023

– Эх, Вовка, чуёт моё сердце, русского человека снова за бороду схватили и начинают трясти.

– Слава Богу.

– Чему радуешься, садовая голова?

– Тому радуюсь, что я не русский – мордва.

– Мордва что ни на есть русский. Тебе в калужской деревне плохо было? И на асфальте галоши не промочил.

– Ты, Михальч, подначку не сечёшь. Пить надо меньше.

– У меня с этим строго. Электрикам впольяна нельзя, с огнём играем.

– И напряжение не вырубают?

– Окстись! Первым делом! А всё равно щёкотно. Жизнь, она, знаешь... Такое шаманит, что с лихвой. Иллюминация, она проще.

– А чего тебя на иллюминацию ставят?

– Повелось так. Праздники подходят, начальник шумит: где иллюминатор?

– Михальч, сколько же лет мы с тобой празднуем?

– Давно... А как тебя в Калугу забросило?

– Дед на базаре бабушку приглядел и увязался за ней, под Ферзиково. Я по матери русский.

– Да-а, в ту пору людей, как семя, раскидывало. Где укоренятся, там и росли.

– У нас после войны так сеяли. Бабы вторую юбку наденут, им в подол зерна сыпанут и – на пашню... Да, Михальч, здесь я только к цифрам могу люльку подать. Что в проверочном листе? На буквах всё горит? Приставную лестницу из кузова вытаскивать – до мозолей мучаюсь.

– А ты в тряпочку помочишь да ладони обмотай. Мозоль размякнет.

– Втридёшева байку продаёшь.

– Случай прижмёт, вспомнишь.

– Когда пробную иллюминацию включают?

– В семь... Здесь немецкие, не перегорают.

– А чего ты их немецкими зовёшь?

– На ящиках – «Майли Сай. Ламповый завод». Туда поволжских немцев выселяли. Они лампочки и дуют. Киргизия... Ладно, давай о деле, подъезжаем. Штангу на два колена выдвинь. Когда уж твою «лайбу» спишут?

– Этому «газону» четверть века, вышка телескопическая. Остальные у нас поворотные, со стороны достают. У меня вертикально.

– Сейчас шесть... С последней цифрой мигом управлюсь, тридцать лампочек. Ждать придётся, пока свет дадут.

Но ждали недолго. Вышку только уложили в кузов, как ярко, глазасто вспыхнула иллюминация:

«С новым 1987 годом».

Часть первая

1

До чего верно сказано: первая любовь уходит последней.

Никанорыч сидел в потёртом кожаном кресле-качалке перед электрическим камином с пляшущими язычками светового пламени и вспоминал юность. Через несколько часов наступит 1987 год и ему стукнет девяносто. Наступает вечерняя заря, и память уносила в те далёкие времена, когда занималась заря утренняя. Он встретил Надю Ткачук случайно, на одной из тесных улочек Брест-Литовска, и долго крался за ней, чтобы на следующий день встать на дежурство около её дома. Она жила на самой окраине, у небольшого леска, а за домом было просторное гумно. Примерно через месяц, основательно намозолив Наде глаза и подыскав повод для знакомства, там, на скирдах ещё не обмолоченного хлеба, он в первый раз и женился.

Когда Надя провожала его до перекрёстка, внезапно путь преградила подгулявшая компания местных ребят. Один из парней, чернявый, с чубом, в лихо заломленной кепке, – до сих пор, паразит, стоит перед глазами! – грозно надвинулся: «Я лавочку открыл, а ты в ней торгуешь?»

Никанорыч непроизвольно улыбнулся, покачался в кресле: до чего же образным был тогдашний молодёжный жаргон! А тот чернявый... Потом Надя со слезами рассказала, как он изнасиловал её в соседнем лесочке.

Да-а, Надя Ткачук – его первая незабвенная любовь. В затрапезном Брест-Литовске, с его лютыми, монументальными, как на подбор, краснолицыми и рыжебородыми жандармами, с множеством евреев, гуртом живших своим местечковым бытом, с церковью и костёлом, с мечетью и синагогой, Надя олицетворяла для него высшую степень особой, не провинциальной красоты. У любви свои понятия.

Но тут началась Первая мировая. Улица утонула в патриотических манифестациях – мастеровые со знамёнами, попы с хоругвями, рясы, ризы, шумные ватаги ушлых приказчиков из зеленных и прочих лавок. Слегка распивая винцо и громко распевая песни, они набрасывались на замелькавших повсюду офицеров, с неразборчивыми криками качали их, подбрасывая вверх. Никанорыч снова улыбнулся. Он вспомнил, как на его глазах молоденький офицер в безукоризненно свежей, ещё не мараной полевой форме, очухавшись от восторженных приветствий, вдруг отчаянно завопил: «Караул! Облупили! Кошелёк!»

Вместе с новым фоном жизни повсюду и во множестве пооткрывались тыловые вертепы.

А Надя уехала в Минск.

Вскоре в поисках заработка снялся с насиженного места и он. В Свержене ему удалось устроиться рабочим на лесной скипидарный заводик – варил сосновые ветви, иногда ничком ложась на край костровой ямы и вдыхая целебный дух. Потом нашёл дело зарплатнее – на лесопилке в Столбцах. Через три месяца лесопилка сгорела, и он снова пустился в странствия – Слуцк, Вильно, пока не надумал податься в Минск, искать Надю. Работу нашёл запросто, но и попусту: подоспел призывной возраст, и пришлось возвращаться в Слуцк, где его успели приписать к воинскому присутствию.

Никанорыч, закрыв глаза, раскачивался в кресле, и перед его мысленным взором, словно в ускоренном кино, мчалось былое. В молодые годы он летел по жизни, не замечая неустроенности, голода, недосыпа, жадно познавая мир. Авось, небось да как-нибудь! Обид тоже не замечал. Спустя полвека встретил одноклассника из брест-литовской приходской школы Митьку Ступицына, и тот со смехом напомнил, как весь класс дрожал от страха, когда учитель сло-

весности порол Никанорыча – в ту пору Серёгу Крыльцова – за непослушание. А сам-то он в утробе тех дней даже не помнил, что его наказывали в школьные годы. Это врождённое беспамятство на обиды, наверное, и стало залогом долголетия: не тратил попусту богоданный заряд души. Да и вообще... Люди, они разные. Первый знает, чего он хочет, а для второго главное – вызнать, чего хотят другие. Никанорыч был из первых, вот в чём дело.

Да-а... А потом армия. Для Никанорыча она началась с громкого крика: «Следующий!» и в сумасшедшей гонке, не позволявшей ни опомниться, ни задуматься, продолжалась восемь месяцев, пролетевших, как один день. Его втолкнули в какую-то маленькую комнату, в глаза ударили сильно сверкавшие серебром погоны трёх сильно усатых офицеров, а дальше всё слилось в единое неделимое целое.

– Как звать?

– Крыльцов Сергей Никанорович.

– Долой! – один из офицеров сорвал с его носа очки. – Жалобы есть?

– Никак нет.

– Годен! – и через другую дверь его вытолкнули во двор, где кучками сидели на земле призывники.

Поток воспоминаний становился бурным. Со второго дня службы он оказался в незнакомой, странной и непонятной жизни, не оставлявшей ни минуты свободного времени. До обеда: «Вперёд коли, назад коли, кругом прикладом бей!», «Плечо вперёд, чтоб штык чужой не засадили в грудь!» Потом: «По фронту равняйся! Рота, сми-и-ирно! Рота, напра-а – Котелки взяли? – Так точно! – во! Ша-агом марш! Запевай!» Это были тёплые минуты, четыре версты до столовой они от души горланили «Соловей-пташечка», «Пишет царь турецкий русскому царю», «Пойдём, Дуня, во лесок». Потом на каждую пятёрку солдат – по лоханке горячих щей, иногда с гадостью, а ещё ржавую селёдку, тухлое мясо, и назад по той же липкой грязи, с теми же песнями. После обеда – словесность: что есть полковое знамя и прочие уставные замысловатости. К вечеру опять песни, уже не маршевые, сидя в кружок затягивали «Бродягу», «Из-за острова на стрежень».

В штыковом бою Крыльцов колот чучело яростно и правильно, прикладом орудовал заправски. На штурмовой полосе тоже последним не был. Но на стрельбище – никак! Всегда мимо цели! В царской армии очки не позволяли, а без очков Никанорыч, близорукий с детства, по рождению, не видел мишени, она неизменно оставалась девственной, приводя в изумление, негодование, а то и в рукоприкладство ефрейтора. У винтовки Мосина прицел верный, бой кучный, а этот шкет мажет раз за разом. Никанорыч пробовал иногда нацепить очки, но первый же встречный офицер гаркнул: «Не смей портить фасад роты!» А в другой раз приехавший на смотр генерал, издали завидев очкарика, шумнул: «Во фронт, мерзавец! Р-разобью!»

Но фасад роты Крыльцов всё-таки портил – не очками, а упорными промахами мимо цели. Ефрейтору надоело, он вкинул: «Ату его!», и вскоре от него избавились, убрали из строевой части. И Никанорыч впоследствии утвердился во мнении, что «очковая проблема» убергла его от фронта – так бывает, природный недостаток в жизни порой оборачивается избытком. Не попасть в передовые окопы, оставаясь во фронтовом тылу, разве не избыток?

С того времени его начали, словно мяч, футболить по запасным полкам и маршевым ротам прифронтовой полосы. Где он только не служил – под Вильно, под Ригой, в Пярну. Всегда по прибытии ему выдавали новенькую солдатскую форму, но всегда отбивал он из части в затасканном, последней носки обмундировании – это был какой-то интендантский гешефт. Не в лучшем виде его доставили и в Москву, в лефортовский госпиталь, где по зрению, со справкой подчистую списали с воинской службы, выдав солдатских 2 рубля 30 копеек – на неделю вперёд – и отпустив на все четыре стороны.

От армии у него на всю жизнь сохранился неповторимый вкус знаменитого солдатского чёрного хлеба, за который гражданские охотно предлагали служивым махорку, а то и головку сахара.

В Москве он не остался, двинул в знакомый Минск, чтобы снова искать работу и Надю. Задумал даже дать объявление в газете о её поиске. В память почему-то врезалась микроскопическая мелочь: внезапно оказавшись на гражданке, потолкавшись среди народа, он в настроении заглянул в привокзальный трактир, обстучал о подошву своего истерзанного сапога, подавленного при выписке, вяленую воблу и под эту шикарную закуску хлопнул сто грамм. В Минске с мечтательными мыслями шатался по городу, пока на глаза не попала скромная вывеска «Союз городов России. Комитет Западного фронта». Конечно, входя в эту непонятную контору, он и подумать не мог, что сыграл в удачу и выиграл, что открывает дверь в свою будущую долгую жизнь.

Его взяли контролёром, и он быстро освоился в новом деле. С ранних лет привыкший к странствиям, охотно мотался по всему Западному краю. Что только не проверял! От ведомостей по выдаче зарплаты до листов фанеры. Если замечал сучок, браковал и выдавливал его палкой. Помнится, именно за этим занятием его застала Февральская революция. Боже мой, сколько споров и разговоров было о ней! В «Союзе городов» собралась пёстрая публика, в основном присяжные поверенные, врачи, литераторы, адвокаты, по беде соскочившие с житейских рельсов и засевшие в этой полувоенной конторе для избежания воинской повинности. Это были люди разных политических взглядов, и потому они отважно сражались друг с другом в словесных баталиях. Объединяло их только одно – потребность безудержно тратить казённые деньги, жить припеваючи и попиваючи.

Но начальник был человеком честным, и после Октябрьской революции его затребовали в Москву, в Центральную военную инспекцию. А он взял с собой смышлёного, бойкого контролёра – помощником. Так Никанорыч опять оказался в Москве, в особняке на Молчановке, где размещалась ЦВИ. С тех пор, как говорили в Брест-Литовске, в гости за спичками не ходил – на жизнь всегда хватало.

В суете тех беспокойных месяцев он так и не успел дать объявление в минской газете, отложив это дело до завтрашних дней. Но остался в Москве навсегда, переходя из одной инспекции в другую по мере смены их названий, а после войны получил солидную должность в Народном контроле. Тоску о первой любви захлестнули бурные служебные и житейские передряги, которыми была наполнена жизнь Никанорыча, но Надя Ткачук прочно, навсегда укоренилась в памяти. «Так и не потускнела, не ушла она до девяноста лет», – с удивлением подумал он, как бы подводя итог прогулке по далёкому прошлому.

С трудом поднялся с качалки, чтобы размять ноги. Подошёл к окну: ветер стих, снежинки медленно летели на свет садового фонаря. Прикинул: лёгкий морозец, и в миллионный раз подумал о том, как ему здесь уютно. Этот двухэтажный рубленый дом в Кратове Саша купил двадцать лет назад на госпремию. Помнится, они приехали сюда вдвоём, и смотрины врезались в память странной встречей. Пока сын торговался с молодой хозяйкой и её мужем, Никанорыч застрял вот в этой самой комнате, где вот в этом самом кресле-качалке сидел сухонький старичок, над которым основательно поработало время: лицо в сетке мелких морщин, на лысине три жалких волоска. Он так приветливо поздоровался, что Никанорыч вдобавок к ответному кивку из вежливости вякнул пару слов о дождливой погоде – дело было в октябре – и оглядел потолок: не течёт ли?

Старичок угадал взгляд, улыбнулся:

– Последний раз я этот дом починал аккурат перед революцией. Полвека прошло и хоть бы что. А крышу – да, перекрывали.

– Выходит, дом прошлого века? – удивился Никанорыч, и разговор пошёл. После вопроса разговор начинается обязательно.

Прояснилось, что хозяином-то был этот приветливый старичок. Гость присел на стул с обтрёпанным поролоновым сиденьем – да, тут же ещё стул был, но Никанорыч его аннулировал, не нужен – и с нарастающим интересом слушал. Старичок оказался куда как непрост! Профессор по части металлообработки, настоящий профессор, в звании. Жизнь прожил с перипетиями, в тридцатые два раза дрейфовал, хотя недолго, сначала три года, потом ещё четыре, – что поделаешь, явился на белый свет не вовремя. Из науки ретировался давно, сейчас-то аж девяносто четыре. Шутит, что Господь ему щедро годков подбросил – на чай, за добрую службу. А уж на свой чай с сушками он давно заработал. Но два года назад умерла горячо любимая жена, и он запил, но не усердно. Рассказывал:

– Это извинительно. А что остаётся? Нет моей Наташеньки, и жизнь кончилась. Тургенев как писал? Тяжела одинокая старость. Себя не обманешь, а людей-то насмешишь. Раньше за каждый день цеплялся, а теперь зачем? Счастье ушло, чего мне здоровье беречь? Врачей звать – одна потеха. Как будет, так будет, пока в гроб не заколотят. Неподалёку Васильич живёт, человек простого звания. Я ему: как жизнь? А он мне по Некрасову: пенсию давать не велено, сердце насквозь не прострелено. И откуда знает?.. Ну, я ему десяточку, он бутылочку и принесёт. Посидим, за жизнь поговорим, никаких тебе злободневностей. Настроение весёлого цвета. Душа в спокойствии ждёт тризны, уже недалёкой. Достоевский как писал? На Руси пьяные – это добрые люди, а добрые – они пьяные.

«Возраст ой-ой-ой, а не слишком изношен, не руина. Говорит быстро, внятно. Протезы в норме», – отметил для себя Никанорыч, который в ту пору маялся с зубами. А старичок продолжал:

– Вы Мечникова читали? Физиолога? Он писал, что на Востоке старики, когда настаёт охлаждение лет, уходят умирать в пустыню. Садятся на камушек, не едят, не пьют, и потихоньку сознание меркнет. Легко, безболезненно.

Никанорыч вспомнил тот интересный разговор, подумал: двадцать лет минуло, теперь и я к пределу подбираюсь, не зябко ли душе, есть ли в ней покой? Заслужил ли старость светлу? В девяносто два года запил! Ну и ну!

Но потом Саша рассказал кое-что о ценовом торге. Внучка-то недавно замуж вышла и дом продавать не хочет, да он – картинный красавец! – настаивает, торопит. Запрашивал много, но много и сбавил, видать, деньги любит. Дом не его, а деньгам – он хозяин. Саше он не показался, мутноватый мужик. И Никанорыч словно в чужую судьбу заглянул: понятно теперь, чего старичок запил. Внучка к себе его заберёт, а с зятем душе тесно станет. Лучше бы не дожить до горьких дней. Да и зачем доживать? Впереди, до погребального салюта, радостей не предвидится.

Но дом Саша всё-таки подновил. А когда в посёлке дали газ, избавился от печного отопления. Теперь здесь беззаботно. Саша с Ксенией зимой только по выходным прибывают, отсюда на работу не наездишься. А Никанорычу повезло.

Он снова опустил в кресло и опять пустился в воспоминания, осмысляя свою долгую жизнь, прожитую в ладу с совестью, – потому и долгую. Никогда не думал не гадал, что до мафусаиловых лет дотянет. Да ведь известно: чего не ждёшь, то и сбудется. Да-а, Новый год всегда память тревожит, бывлые печали и радости будит. Рубеж!

Лет десять назад – да, десять, как раз под его восьмидесятилетний юбилей – сторел Зоин дом. Не дача, как у нас, а именно дом, с пропиской. А года за три до этого у неё муж умер, внезапно. Ну как умер? Лёг на операцию по язве желудка, и его, считай, зарезали. Зое потом отписали, что открылось внутреннее кровотечение. Да кто их, этих хирургов косолапых, знает? Никанорыч, хотя неверующий, вспомнив о горькой Зоиной доле, перекрестился: в жизни под нож не ложился. Подумал: «дай, Господь, до конца дотянуть без мучений. – И сразу: – да

ведь уже дотянул! Теперь, если что, не дамся! Смысла нету. – И вдогонку: – да и хирурги девяностолетних на свой стол не кладут».

После пожара Зоя постучалась к Крыльцовым: ночевать негде, зимняя одежда сгорела. Саша рассказывал, что держалась она на удивление спокойно, достойно, без надрывных стонаний, только разок слеза скатилась. Говорила:

– Когда мой Петруша умер, я знала, что пошла вода в хату: беда одна не живёт, своё горе до дна выплакала, с тех пор никакой напасти не боюсь. Как упалое зяблое дерево ураган уже не свалит... Бог с ним, с домом, жаль только, что похоронные и поминальные сгорели. Уеду в Свердловск к сыну, какая разница, где доживать, если расход по пенсионному приходу? У Коли тесновато, невестка норовистая, да уж как-нибудь. Дано нам по вере нашей.

Крыльцовы временно приютили Зою, Ксения собрала для неё тёплые вещи, а через две недели прилетел за ней сын Николай. Но к тому времени Саша – даром что доктор наук! – рассудил по-новому: отец в годах, мечтает на даче жить, да ведь уход нужен. Почему бы не предложить Зое остаться у нас? Женщина опрятная, на пенсии недавно, полжизни работала кассиром на здешней станции, её в Кратове все знают, а она всех. Дом большой, места хватит.

Короче, Зоя осталась у них вести хозяйство и за десять лет стала членом семьи. Удобный получился житейский сюжет, обоюдный. С ней на даче у Крыльцовых всегда стол да скатерть. Вот и сейчас она и Ксения кудесничают на кухне, готовят новогодние угощения на широкую руку. Тесто она кулачит по-особенному, пироги у неё непревзойдённые. А какая начинка, всегда секрет.

Новый год – праздник домашний. Уже двадцать лет Крыльцовы встречают его в этом доме, в гости не ходят, но гостей привечают. Вот-вот подъедет Анюта с ухажёром, наверное, и окольных гостей привезёт. Николай прилетел маму проведать; ночует здесь, но днями пропадает в Москве, какие-то у него дела. Тоже скоро явится.

Глянул на часы: семь. Что ж, седлаем коней! Эту приговорку Никанорыч когда-то услышал на Молчановке от главного военного инспектора, который в Гражданскую махал саблей в Первой конной. Полюбилось ему то шутивное напутствие.

Анюту он не видел уже три недели и скучал. Внук – что первый ребёнок, так, кажется, говорят. Верно. На Сашу у него времени оставалось мало, самый разгар жизни, зенит, накал, забот выше крыши. А дедом, выпав из дел, он часами возился с Анютой, утоляя родительскую страсть. И Анютой её назвал он, ласково. По паспорту она Анна. До сих пор смеётся:

– Дедуля, помнишь, ты меня учил чай пить? Чтобы ложки в стакане не было. Я спрашиваю: почему? А ты говоришь: вдруг землетрясение, черенок ложки в глаз попадёт, выколет.

Надо же, он забыл, а она помнит.

Их любовь была взаимной. С детства хорошавочка, Анюта к выпускному балу стала, по разумению деда, эталоном славянской красоты, русской барышней. Да и статями удалась – ростом чуть выше среднего, прямая, осанистая. Характер у неё проявился рано. Уже к пятнадцати, вспоминал Никанорыч, она судила о жизни так, что стало ясно: внучка растёт не Марфой, а Марией.

В юные годы странствий он несколько дней маялся в «холодной» Сверженя, куда его по придирке засадил городской, не получив мзду от бездомного чужака. Часа через три после «вселения» втокнули в кутузку тщедушного – нет, просто дохляк – парня лет двадцати пяти, который, словно прокажённый из лепрозория, заверещал: «Я политический, меня за агитуху взяли, завтра в Минск отправят». Наверное, в других кутузках его за что-то мяли, и он на всякий случай с порога оборонялся словом, чтобы не тронули. Был ли тот парень политическим или же придумал, Никанорыч не узнал. Но сокамерник ночью принялся учить его по части распознавания женщин и рассказал библейскую притчу о Марии и Марфе. Она так понравилась, что Никанорыч стал соразмерять с этими образами женщин своей жизни.

Надя Ткачук была деятельной Марфой.

Покойная Валентина, жена, – тоже Марфа.

А вот Аня – она твёрдая в убеждениях Мария. Авантажа не ищет.

Никанорыч, видимо, прикорнул в кресле, потому что внезапно услышал:

– Дедуля, родненький, как я рада тебя видеть! – В комнату ворвалась Аня, обняла, расцеловала. – Мы только приехали, стол уж накрыт. Сейчас десять, садимся в половине одиннадцатого, ровно. Ты на пять минут задержишься, спустишься в гостиную последним, как явление Христа народу.

Звонко рассмеялась и убежала.

2

Весной 86-го года журавли прилетели рано, не везде ещё снег сошёл. Длинным косым клином они бороздили небесное бездорожье, оповещая о своём прибытии извечным журливым поклоном: «Здравствуй, здравствуй, матушка-Русь!» Журавлей всегда сначала слышат и только потом видят: кто же станет ни с того ни с сего, без птичьего оклика глазеть в небо? Споткнёшься...

– Интере-е-сно устроена природа, – вслух рассуждал Вальдемар, отпетый горожанин, никогда не живший на даче, ибо её не было, носа не казавший за ограду пионерлагеря, ибо порядки там во избежание ЧП были строгие. – Осенью засыпает долго, почти два месяца, а весной в считанные дни просыпается зелёным взрывом.

– Валька, тише, тише. Твои звуковые помехи мешают слушать курлыканье. Музыка! – ответила Аня.

Воскресным утром они сели в электричку и поехали в Перхушково. Почему в Перхушково? Название понравилось, вот и всё, им было без разницы, куда ехать. На опушке Аня отошла метров на пять и высоко подбрасывала его буклёвую кепку. Он палил в кепку из своего пневматического карамультука, и потом они вместе искали дырочки от игрушечных пулек. Дырок не было, каждый раз – мимо.

Много лет спустя, окидывая мысленным взором прожитое, пережитое и нажитое, он всё чаще начал вспоминать ту весеннюю лесную прогулку – в резиновых сапогах, по остаткам раскисшего снега – и те многократные «мимо». Неужели вся его жизнь прошла мимо?

Они познакомились два года назад, когда заведующий кафедрой Александр Сергеевич Крыльцов пришёл на демонстрацию – годовщина Октябрьской революции – со своей дочерью. В тот раз не один Вальдемар положил глаз на Аню, то и дело кто-нибудь подъезжал к ней с тайными поползновениями. Но все опасались открыто кадрить на виду у отца, от которого в немалой степени зависело близкое распределение: ещё ушли в глушь, в Саратов. А Вальдемар не убоился, смелость города берёт. Ну всё и вышло по первому разряду.

Аня только-только поступила в педагогический, а он готовился к защите диплома в авиационном. На зависть однокурсникам стал приглашать её на студенческие вечера, сходки и скоро понял: дело-то нешуточное. Аня разительно отличалась от разряженных пергидритных блондинок, ходивших в его боевых подружках, у которых всё – от оживляжа до макияжа – было наигранным, и притягивала к себе неизъяснимо, неудержимо.

Простой масти, не из благоденствующих, в студенческие годы он жил по врождённому, а возможно, перенятому у отца жизненному правилу: делу время – потехе час, в неволе у прихотей не был. Учился прилежно, однако, будучи шустреньким малым, умел и кутнуть в день стипендии, скинувшись с сокурсниками на крепыш-вино. На лекциях о суетном думать не думал, а в отдохновениях напрочь забывал об институтских заботах. Одно с другим не путал. Но однажды, сидя в приёмной профессора Васинского в очереди на консультацию, вдруг поймал себя на мысли, что вовсе не о дипломе размышляет – защита через неделю, – а мечтательно, с томленьем упованья репетирует предстоящую в субботу встречу с Аней.

А дальше – больше. Всегда уверенный, решительный, он начал терять веру в себя, с затаённым страхом думал о том, что его извечная взбодрённость, реактивность может надоест, и разочарованная Анята отвернётся. Он слишком поздно ощутил, что она стала частью его жизни, поселившись в сердце, в помыслах. Обретя радость общения с ней, он почему-то стал неотступно тревожиться за их завтрашний день. Высокая, на небольших устойчивых каблучках, дающих хорошую осанку, приветливой красоты, с замечательно мягкой, доброй улыбкой, с локонами на плечах, с возбуждающим звонким смехом – певкий колокольчик! – и острым умом, умеющим схватывать все нюансы разговора, Анята стала его идеалом. Вдобавок впечатляющие формы, сводившие его с ума. Шутки шутками, а в башке вертелось что-то слишком уж выпященное – о триединстве красоты, добра и истины. Он не знал, что каждого мужчину природа от рождения наделяет своим, неповторимым чувством женской красоты, которое побуждает его к поискам идеала и позволяет опознать идеал только при встрече с ним.

«Ха! Такая девушка для любого мужчины идеал, такие не ждут, когда их выберут, такие сами выбирают», – эти тоскливые мысли посещали его при каждой встрече. Он боялся выглядеть млеющим, а потому мельчающим, боялся, что она в любой день отложит его в сторону. И прилагал немало сил к тому, чтобы внешне оставаться прежним – подвижным, весёлым, быстрым в решениях; как всегда, он резал максимы по любым вопросам, достойным его внимания. Перемены случились внутренние, он мучился загадкой необычайной скорости этих перемен, униженно спрашивал самого себя: откуда, за что ему ниспосланы такие королевские милости в образе Аняты, не по ошибке ли, надолго ли? Пытался иронизировать над собой: уж не ждут ли его в Кащенко?

Безусловно, Анята заняла слишком много места в его сознании, в его жизни.

Научничать ему предстояло в профильном исследовательском институте – московском. Возможно, дело не обошлось без аккуратного содействия заведующего кафедрой, Вальдемар знал, что Анята сказала отцу о его серьёзных ухаживаниях. Но сам он в разговорах с ней никогда не касался деликатной темы распределения. Из принципа: считал недостойным использовать своё служебное, то бишь жениховское положение.

Склонный без промедления отзываться на все новшества, он, по банальным словам отца, с головой окунулся в незнакомую жизнь НИИ. О-о! Новшеств – пропасть сколько, как бы в них не пропасть! Отношения между эмэнэсами были гораздо теснее, плотнее, чем между студентами. Молодые перспективные таланты здесь расцветали в дружеской спайке и болели свирепой товарищеской завистью. Здесь росли карьерно и кисли на мизерных окладах, здесь увлекались возвышенными хобби и коснели в суетных увеселениях. Здесь водились истые ученые и мерзкие наушники. Всё, что происходило в стенах НИИ, в их отрасли, наконец, за стенами института, дотошно обсуждали в курилках и на частых посиделках. Да, для него это была совсем новая среда, чарующие особенности которой он торопливо осваивал.

Обласканный госпожой Удачей, волею судеб избрав научное поприще, он в своей мечтательной манере загадывал далеко вперед, мысленно конструируя жизненный путь, разумеется, без учёта побочных случайностей, которые до неузнаваемости искажают замыслы. Пожалуй, в академики не выбиться, не потянет, такое усердие ему не по силам. Но членкором... Почему бы и нет? А уж доктором технических наук – это как пить дать! Подобно мифологическому солдату, он носил в ранце маршальский жезл.

Но позабыл, что в ранце для него припасён и деревянный крест.

Анята всегда была рядом. Ещё летом, после распределения, они впервые отправились на отдых вместе – в Алушту. И с тех пор он привык согласовывать с ней жизненные планы. После восторгов любви они размышляли: через три года он станет кандидатом наук, она к тому времени окончит институт – тогда самое время думать об устройстве земных дел, о семье.

И уже в первый год взрослой жизни младший научный сотрудник Вальдемар Петров сдал все кандидатские минимумы, чтобы скорее впрячься в скрипучую телегу диссертационных приключений.

Курилку в институте сделали одну на всех. Среди сотрудников было немало сигаретных женщин плюс папиросная Светка Башарова, которую мужики меж собой звали бабой с прибабасами – звучно, а что это значит, никто толком не знал. Для привлечения внимания к своей персоне Светка табачила плебейским «Беломорканалом», а иногда «Герцеговиной Флор» – любимой забавой Сталина. Это на фотографиях, на картинах его изображали с трубкой во рту – как бы символом неторопливой мудрой задумчивости. В жизни-то он смолил папиросы, нянчиться с курительными трубками вождам некогда.

Степаныч, институтский плотник, он же слесарь и вообще мастер на все руки, когда-то давно сколотил для курилки три грубых скамьи без прислонов, узкую тумбочку с большой съёмной пепельницей, с металлической пластиной для гашения окурков и на этом исчерпал свои заботы о «комнате отдыха». Стены курилки окрасили в мутно-серый цвет, на потолок прилепили две неоновых трубки. И однажды кто-то сказал:

– Сюда бы пару лежанок – в точности тюремная камера.

– А ты почём знаешь? Сидел, что ли? – сразу вцепился Дмитрий Рыжак, душа табачной компании.

Он работал в институте давно, однако кандидатскую защитил совсем недавно, причём после серии таинственных кабинетных скандалов и двукратной смены научного руководителя. Глухо поговаривали, что за ним числятся какие-то художества по части неблагонадёжности. ВАК ещё не утвердил Рыжаку степень, возникли сложности плагиатного типа, он нервничал и был особенно язвительным.

Когда Вальдемар представился курящему сообществу, Рыжак с холодком, без стеснений спросил:

– Ты Петров настоящий или по псевдониму?

– Что значит «настоящий»? – не понял он.

– Ну-у, пишет же в газетах какой-то Соломон Волков. А ты Вальдемар...

Пришлось растолковывать, что это отцовское чудачество. Но тут же прозвучало бесцеремонное:

– У тебя отец-то кто?

Вальдемар с разгону, не сообразя себя, чуть не брякнул: «Никто». В выборе родителей он проявил неосторожность. Бывший сокурсник отца, картограф Гольдштейн, ставя в вину Петрову измену профессии, по-приятельски называл его шлимазлом, с еврейского – неудачник. И верно, отец, рядовой клерк в боковой министерской конторе, был хроническим неудачником, объясняя крах карьеры нелепым стечением недоразумений: на каком-то повороте судьбы его злосчастно перепутали с другим Николаем Петровым, за которым числились некие поведенческие аномалии. Однако своей родовой фамилией отец дорожил, менять не хотел, но считал, что нестандартное имя поможет сыну в жизнеустройстве.

Ответил Рыжаку резко:

– Это что, допрос? Отец у меня человек достойный, и об этом хватит.

Судя по взлетевшим ко лбу бровям, Рыжаку твёрдость новичка понравилась. И когда в другой раз они случайно сошлись в курилке вдвоём, он поучающе сказал:

– Давай, парень, вращай в нашу почву. Но имей в виду: сорняков здесь много, старпёры молодым ходу не дают. Будешь диссертацию готовить – я же вижу, ты из карьерных, – вспомнишь меня. Червонец они тебе точно закатают, и не парься.

Вальдемару уже разъяснили, что институтские балагуры диссертационные годы называют «сроками», которые тайно и, конечно, по сговору назначает эмэнэсам научное руководство. Опытный Рыжак знал, что говорил.

Значит, ему светит червонец? Такая перспектива, даже с «досрочкой», заставила Вальдемара обсудить проблему в беседе за кружкой пивка с новым приятелем Костей Орловым. Одногодки, они свели дружбу легко. Вместе перекусывали в столовой – щи да каша, а если с россыпью жирного мяса, то её называли гуляшом, – садились рядом на симпозиумах, коллоквиумах. Вдобавок они были примерно одного роста – Костя повыше, оба крепыши и внешне походили друг на друга. Местные острословы мигом сочинили Петрову и Орлову прозвища: Пётр Орлович и Орёл Петрович. Однако при общем внешнем сходстве характерами они не совпадали. Неторопливостью движений и суждений Костя был противоположностью Вальдемара, наверное, это их и сдружило – по принципу взаимодополняемости Нильса Бора.

Костя не очень доверял прогнозам Рыжака, в своей самодумной, рассудительной манере говорил, что тот выдаёт «личное за общее» – шёл бы он на... Ибицу. Орлов не торопился и с поисками диссертационной темы, предпочитая сперва хорошенько осмотреться. Не в институтских коридорах – в науке. Надо понять, что будет востребовано завтрашним днём. Нет, не завтрашним – послезавтрашним.

Как ни странно, тот вечер в пивнушке у Павелецкого вокзала запомнился Вальдемару навсегда. Не особой плотностью первого разговора о выборе научного пути, не лукаво мудрыми доводами-выводами. Совсем, совсем другим.

На следующий день новый молодой генсек Горбачёв объявил о начале перестройки.

В ту пору Вальдемар интересовался политикой не более, чем жизнью на Марсе. Об что речь? Что за перестройка? Кого, зачем, почему? Но позднее, когда бурный водоворот новшеств затянул, а вернее, швырнул его в самую воронку событий, он и вспомнил о той пивной посиделке с Орловым.

Памятно, однако.

Осмотреться ни Петрову, ни Орлову не удалось.

Впрочем, на первых порах в институте не придавали особого значения провозглашённым новшествами. Многие хорошо помнили хрущёвские заклинания о коммунизме к 80-му году и полагали, что очередные верховные камлания – всего лишь пропагандистская переупаковка заезженной пластинки обещаний светлого будущего. Но через пару месяцев начальство зашевелилось, партком обсудил новые директивы и постановил срочно составить план перестройки. Задание исполнили с казённым рвением, и вскоре в красном углу институтской доски объявлений вывесили несколько листов с изложением намеченных мероприятий и «ответственных» за них.

Смысла перестройки никто не понимал, партийным деятелям институтского масштаба не пришла в голову простая мысль: можно ли вообще перестраиваться по плану? Ничего не меняя, они быстренько сварганили для старых правил новый переплёт и всё свели к дежурным процедурам: перетряска штатного расписания, призывы активнее поддерживать инициативы, которые, конечно же, должны быть смелыми, привычная идиотская формула «усиления динамики» исследовательских работ. Как и положено, суть дела растворили в многословии.

Этой мельтешней завсегда курилки Рыжак вынес суровый вердикт:

– Много пейзажа, да мало фуража.

Притихнув, уйдя в тень, когда его диссертацию послали в ВАК, Рыжак после объявления о начале перестройки заметно взбодрился.

Впрочем, в курилке ленивые перестроечные рассуждения полыхнули страстями раньше, чем в начальственных кабинетах, куда из райкомов спускали формальные директивы. Неизвестно кто и какими способами вбрасывал в эмэнэсовскую среду злоречивые слухи и

азартные слухи о слухах, противоречившие партийным банальностям, но эти «разговорчики в строю» парафинили мозги, заставляли вскипать светлые молодые умы. Слово «застой» ещё не звучало, однако знающие люди утверждали: якобы горбачёвское «углубить» на самом деле подразумевает омоложение кадров брежневской эпохи. Источники этих задорных, освежающих, иногда с дерьмом вбросов оставались в тайне, и однажды Вальдемар напрямую спросил Рыжак, откуда ему известно о грядущих переменах.

Дмитрий усмехнулся:

– Одна бабушка сказала.

Бабушка, похоже, была человеком серьёзной некуда. Пересуды о том, что под знамёнами перестройки широко зашагают в завтра молодые и талантливые выдвиженцы, отзывались бурлением чувств, брожением умов и переизбытком самой причудливой риторики, вплоть до шумовых эффектов озорного свойства. Сонное течение институтских будней нарушилось, народ засуетился, обалдело ловил изустные вести, всё меньше доверяя пресной прессе и эфирной агитистерике. Теперь слухи обсуждали не только в курилке, кучками или парами гужева-лись везде и всегда, где и когда удавалось перекинуться мнениями, порой полушёпотом. Фон жизни быстро менялся – на глазах. Неясные надежды на обновление всего и вся будоражили, рождая смелые мечты о стремительных карьерах. Эти мечты, в свою очередь, уносили подвижников мысли местного масштаба в те близкие, очень близкие времена, когда зарплатные возможности наконец начнут соответствовать бытийным потребностям. Возбуждение на грани повального помешательства! Охотно отдавшись во власть иллюзий, научный подрост вкладывал в пропагандистский лозунг ускорения свой, глубоко личный смысл.

Каждый ждал и жаждал своего случая, своей удачи. Пешки рванулись в ферзи.

Пока только в грёзах.

3

Для Вальдемара следующий год выдался суетливым. Горячка началась с того, что в некий самый обычный день в их «апартаменты» заглянул Рыжак и заговорщицки подмигнул, вызывая в курилку.

Чиркнув зажигалкой, начал поучительно и насмешливо:

– Ну как? Вы с Орлом Петровичем уже перестраиваетесь? Отряси прах с ног своих и молись Пославшему тебя в мир. С позволения вашей милости, позволю себе дать совет: не зевай. Застрянешь на старте – потом не догонишь.

Делая нечастые затяжки, минут пять развлекал дежурными банальностями, потом перешёл к делу, косвенно сославшись на памятный разговор об источнике слухов.

– В субботу намереваюсь навестить бабушку. – И через короткую паузу: – Составишь компанию?

Вальдемар понял, что ему предлагают войти в некий таинственный круг посвящённых. Прилив самоуважения был столь мощным, что упоминание о бабушке невольно, с внутренним смешком отозвалось воспоминанием о дедушке. Дедушке Крылове: от похвал вскружилась голова. Нет, безусловно, он не жаждал, чтобы Рыжак, этот местный «авторитет», приблизил его. Тем не менее Вальдемар был обрадован, польщён и, небрежно пожав одним плечом, ответил:

– Давай.

Они добирались довольно долго. Сначала на метро, потом на автобусе, пока где-то в районе Зюзино не поднялись на четвёртый этаж обычного панельного дома, оповестив о своём прибытии трелью дверного звонка.

Встретил их молодой мужчина в чёрных усах, в красно-белой ковбойке. Извинившись за непринуждённую, как он сказал, «пятничную» одежду, – иностранец, у них учтивость и

этикет в крови! – провёл в гостиную с обоями цвета палой листвы, где обеденный стол был подготовлен для чаепития.

Рыжак, воздав должное говорливому жако с пурпурно-красным хвостом, приютившемуся в угловой клетке, отрекомендовал Петрова:

– Вальдемар, один из самых перспективных наших эмэнэсов.

– Очень приятно. Алекс Галушка, – протянул руку хозяин. – Корреспондент канадской вечерней газеты.

Он говорил с акцентом, проглатывая одни гласные и растягивая другие, но построение фразы было правильным, слова не прыгали невпопад, как бывает у языковых неофитов.

Вальдемар впервые общался с иностранцем, ещё в школьные годы усвоив мимоходное, между делом, отцовское наставление о том, что это небезопасно для дальнейшего жизнеустройства. «Органы не дремлют», – произнёс загадочную фразу отец и громко рассмеялся, когда сынишка попросил уточнить, о каких именно органах тела идёт речь. Но на дворе иные времена, Вальдемар понимал, что тем органам, на которые намекал отец, сегодня не до его неприметной персоны, у них других забот полон рот. Прежние опасения сменились чувством гордости: вот я каков! закатился в гости к канадскому журналисту и хоть бы хны! Вдобавок не он мне, а я ему нужен! Это же очевидно...

За чашкой чая разговор пошёл ни о чём. Как удобно ездить по Москве на машине – транспорта немного, почти нет пробок. Аэропорт Шереметьево, построенный к Олимпиаде-80, на премиум пока не тянет, но наверняка его расширят – в СССР прибывает всё больше зарубежных гостей, пора соответствовать мировому уровню. Из сетований, пожалуй, лишь то, что среди молодых маловато у вас знающих английский или французский, а иностранные языки, по мнению канадца, завтра особенно пригодятся.

За второй чашкой чая со скромным ореховым тортиком Рыжак вбросил тему об ускорении и, на удивление Вальдемара, принялся со сдержанным оптимизмом расписывать наши экономические перспективы, чего в курилке за ним не водилось. Алекс слушал внимательно, не перебивал. А когда пыл Рыжака иссяк, начал как бы в лекционном режиме, с предсказательной интонацией:

– Мне кажется, ваша страна вступает в новый исторический этап. Но есть хорошая русская поговорка: иное время – иное бремя. У вас плановая экономика, ускорение требует ужесточения командно-административного пресса. А это тупик.

– Не жать, так и соку не будет, – вбросил Рыжак.

Канадец не обратил внимания на реплику, продолжил уклончиво:

– Мне кажется, в СССР скоро станут актуальными вопросы политики. Перемены надо начинать именно с них. Только в этом случае откроются новые перспективы экономики.

– Это дело забавное, как бы чулки не отморозить, – снова вбросил Рыжак.

– Чулки отморозить? – недоумённо переспросил Алекс.

– Шутка! – смешливо воскликнул Дмитрий, пародируя киношную репризу.

Канадец вежливо улыбнулся, хотя было видно, что он так ничего и не понял. Продолжил в прежнем лекционном режиме и снова с уклончивым «мне кажется»:

– Мне кажется, скоро Горбачёв сменит политические декорации, без этого экономический рост невозможен.

Тут и Вальдемару настало время удивиться:

– Простите, о какой политике вы говорите? О тёрках с американцами?

– Тёрки? – опять не понял Алекс. – Нет, я не о внешней политике, перемены нужны в системе хозяйства. Мне кажется, они не за горами. Я сравнительно недавно в Москве, но готовился к работе у вас, взял курс советологии и русской истории в Стэнфорде, в Штатах. Мы изучали Бердяева – «тёмное вино в русской душе», – слегка усмехнулся Алекс. – Надо дать ему перебродить, в этом смысл близких дней. И мне кажется... Нет, я почти уверен, что

без политической перестройки Горбачёву не удастся перестроить экономику. Сначала надо посмотреть на себя в зеркало, а это возможно только через политические окуляры.

Из Зюзина они возвращались молча, было что обдумать. Наконец Дмитрий сказал:

– Ты понял, что бабушка пророчит?

– Я запомнил его слова. Их надо переварить.

Теперь Вальдемар знал, откуда растут перестроечные слухи, будоражившие институтский народ.

Но переварить сказанное канадцем он не сумел. До вечера мучился разгадками, спал с просыпками, а утром со своей Автозаводской помчался в конец шоссе Энтузиастов, где жил Орёл. Чуть ли не с выпученными глазами, под страшным секретом рассказал о встрече с канадским журналистом. Не забыл упомянуть, что этот Алекс как-то по-особенному нажимал на «мне кажется». Так нажимал, что из проходного речевого оборота оно как бы перерастало в тайное знание о завтрашнем дне, намекало на загадочную подложную суть. Вообще-то именно странное настойчивое «мне кажется», подкреплённое решительной интонацией, более всего и смущало. Канадец что-то знает, о чём-то догадывается или же просто предполагает? А если всё-таки что-то знает, то откуда? И этот «смысл близких дней»?

Орёл тоже спикировал на эту странность.

– Антере-е-сно... Говоришь, он сравнительно молод? – Вальдемар согласно кивнул. – Значит, вряд ли порет отсебятину. И предвидение, и догадки, и знания – что бы ни было – у него наведённые, от кого-то. Ты же понятия не имеешь, с кем он в Москве общается.

– Незнание – сила.

Но Костя, в отличие от Вальдемара, глядевшего по линии своего носа и хорошо различавшего лишь близстоящее-близлежащее, умел обозреть дали:

– Увы, нам о твоём канадце ничего знать не дано. А в музеях запасники, как известно, интереснее выставочных залов... То, что ему кажется, он вообще мог подцепить не у нас, а у себя.

– Как это?

– А почём я знаю как? Через свой лорнет они видят нас иначе. Твой канадец, он умник стэнфордской выучки, а мы с тобой пребываем во тьме невежества.

Потом они долго бились над смыслом этого вброса – о близкой политической перестройке и её связи с экономическим обновлением. Понятия были новые, плохо укладывались в привычные представления. Договорились лишь о том, что для размышлений открылась новая загадочная тема, совсем-совсем не техническая, не научная. В этих размышлениях Вальдемар и оставил Орла, с края Москвы помчавшись в центр, на Волхонку, к музею Пушкина, где он условился встретиться с Анютой.

Сбивчиво, но с прежним воодушевлением обрушил на неё потрясающие, сногшибательные новости о встрече с канадским корреспондентом и предстоящей политической перестройке. Иностраный журналист просто так трепаться не станет, знает, о чём говорит. Это и его, и Орла взбудоражило на дерзания.

– И что говорит Костя? – сразу спросила она.

Вальдемар познакомил Анюту с Орловым и его подругой Региной ещё год назад. Регина, как и Костя, закончила «Сталь и сплавы», но годом раньше, и в НИИ занималась авиационными металлами. Сюда же распределили Костю. В «Стали» они знали, а в исследовательской группе задружились. Пётр Орлович и Орёл Петрович, а соответственно, Аня и Регина, скромненько, но со вкусом отмечали праздники и дни рождения, усаживались рядом на редких, но шумных, иногда с эксцессами, банкетах, отмечая чью-то кандидатскую. Тон в их дружной компашке, конечно, задавал неугомонный всезнай Вальдемар, которого переполняли жизненные радости. Костя со своей рассудительной нудятиной не капризничал, охотно отдал

лидерство. То, что у Вальдемара вызывало бурный восторг, Костя воспринимал нехотя, под нажимом дружеских эмоций. Верх Орёл брал нечасто, в основном по части застольных тостов. Кашлянув в кулак – привычка, – говорил замысловато, но интересно, его не перебивали даже за разухабистым от возлияний банкетным столом. Однажды замдиректора по науке воскликнул:

– Этому орлу всегда есть что сказать!

В общем, Орёл мух не клевал, и Анюта неспроста спросила, что про сногшибательные новости думает Костя.

Вальдемар только руками развёл, дружески пошутил:

– Ну ты же его знаешь, он должен основательно поразмыслить. Уела попа грамота.

Впрочем, результат Костиных мыслительных усилий Вальдемара не интересовал, как и загляд вперёд по части загадочной политической перестройки. Верно сказано: что в час написано, то в час и позабыто.

Тем не менее после визита «к бабушке», после суждений загадочного канадца, приправленных не жестами сомнений, как должно быть при оговорках «мне кажется», а, наоборот, утверждающей, напористой интонацией, Вальдемар нутром ощущал, что наступают зыбкие времена. Порой в его мозгах всё плыло кругом; словно хулахуп вокруг талии, вертелась в голове мысль о том, что пора, пора переходить на галоп, чтобы не засидеться на старте.

А тут ещё эта тётенька в тёмно-фиолетовом балахоне до пят...

В одно из воскресений они отправились побродить по Старому Арбату, о котором по Москве уже ходили легенды: чего и кого там только нет! Карнавал с балаганом, свобода вкусов, нравов и одеяний, под гитару поют барды, грохочут джаз-банды, паясничают городские сумасшедшие. И сразу, уже у ресторана «Прага», наткнулись на средних лет женщину с причудливой высокой причёской и чёлкой почти до глаз. Над чёлкой в волосы вправлены две светлые бляшки наподобие больших пуговиц, и казалось, что на её голове притаилась чёрная кошка. Поверх тёмно-фиолетового балахона болталась табличка: «Волхование по ладоням». Вальдемар со смехом опустил рублик в узкую щель почтового ящичка на складном стуле, приспособленного под копилку, и заговорщицки кивнул Анюте, чтобы она протянула руку.

Потом он жестоко корил себя за ту глупую затею. Нельзя дразнить счастье! Само собой, гадания по ладони – чепуха, бред собачий, белиберда. Но так рассуждает рассудочный мозг, а сердцу-то не прикажешь, что на него ляжет, то умом не сбросить. Гадание вышло смутным: «чёрная кошка» напороочила Анюте тюрьму для желаний и неразбериху с мечтой. А что всё это значит, гадалка объяснить не могла.

Ему не оставалось ничего иного, как тоже сунуть запястье в её чёрно-кружевные перчатки. Она долго разглядывала ладонь, водила указательным пальцем по линиям жизни, наконец, изрекла:

– Вам, молодой человек, предстоят сомнения в душе и постоянство в мыслях. А что это значит, мне неведомо.

Напутствие было так себе, но Вальдемар вздохнул с облегчением. Он опасался, что гадалка выдаст ему что-то удачливо-счастливое, и на фоне грустных пророчеств Анюте это было бы совсем никуда. А теперь они как бы сравнялись безрадостным дурацким заглядом в будущее; можно вместе посмеяться над этой мошенницей в балахоне с набором готовых туманных пророчеств и навсегда забыть о ней.

И верно, недели не прошло, как он напрочь, наглухо забыл о нелепом происшествии. Жизнь внезапно сорвалась с привычного ритма и помчалась даже не галопом, а бешеным аллюром. Рыжак позвал его на мальчишник к одному из приятелей, обитавшему в знаменитом Доме на набережной, и Вальдемар с головой нырнул в пряную атмосферу фрондёрского вольнодумства, бесстрашных политических анекдотов и бесконечного ржачного трёпа несогласно мысля-

щих риториков, софистов и прочих говорунов, страстно пекущихся о всеобщем благе и отважно воюющих с невежеством и заблуждениями тупых соотечественников.

Хозяин квартиры, худой высокий парень – звать Андреем – в толстых роговых очках, придававших ему учёный вид, с напускной мрачностью рассказывал, что на смотровой площадке их дома, как раз над бывшим большим балконом великой балерины Ольги Лепешинской, знакомый его знакомого поставил пчелиный улей.

– И что вы думаете? – руки Андрея сотрясли воздух в многократных конвульсиях. – Через две недели к нему заявили кагэбэшники. Пчёлы паслись в кремлёвских кущах, ближе-то зелени нет, и кого-то, видать, покусали. Да и вообще непорядок! Никогда пчёл там не было. Откуда они, зачем? – Весело воскликнул: – Но как они вычислили, где улей?

Большую комнату сотряс взрыв хохота, посыпались шутки. Андрей, прервав разнбой, громко оповестил:

– Они засекли полёт пчелы! Вот это техника!

Компания подобралась молодая, как вскоре понял Вальдемар, сплошь эмэнэсы, словно клуб младших научных сотрудников, настроение у всех приподнятое, народ шумливый, ретиво-речистый. Хором принялись подначивать Андрея – байка! Кто-то вспомнил классику – «Полёт шмеля». А когда отсмеялись, парень в красно-белой ковбойке – обликом похож на того канадца, но густобровый – сказал:

– Ладно, мужики, подкину-ка я для разминки анекдотец, а потом и о делах поболтаем.

Анекдот был толковым, как потом понял Вальдемар, в тему. А суть такая: когда тело Сталина выносили из мавзолея, Хрущёв, по дефициту валюты, задумал продать мумию на мировом аукционе. Американец дал миллион, китаец пять, а израильтянин десять. Хрущёва и спрашивают: «отдавать товар?» Он почесал свою буйную шевелюру и отвечает:

– Нет, не надо. Говорят, две тысячи лет назад у них кто-то воскрес.

Снова отсмеялись, и Андрей вбросил:

– А на балконе у Лепешинской стояли гипсовые бюсты Сталина разной величины, штук десять. Ей-богу, сам видел. Слухи ходили, будто она его любовница, он в Большом театре часто бывал.

В тот день Вальдемар узнал о тиране больше, чем за всю предшествующую жизнь. Смехачи разноголосым хором обругали, обсмеяли и пригвоздили отца всех народов, настаивая на том, что перестройку надо начинать с изгнания из всех пор власти сталинистов, поднявших голову при Брежневле.

Итог подвёл Андрей:

– Никакого сталинизма не было. Была сталинщина!

«Странные сборища», – думал поначалу Вальдемар. Но уже через три-четыре гостевания в Доме на набережной у Каневского – фамилия Андрея – ему стало ясно, что это вовсе не традиционная дружеская компания, а скорее, некий кружок по интересам. Впрочем, нет! Конечно, не кружок – круг! Это новое понятие – круг! – приподнимало Вальдемара в собственных глазах, он прекрасно понимал, что войти в круг – это вам не записаться в кружок, он чувствовал себя причастным к пока неясным, однако суперпрогрессивным стремлениям, которые обуревали собиравшихся у Каневского поклонников грядущего успеха.

Кинулось в глаза, что это были очень разные люди, в угаре зубоскальства вразброд рвавшиеся к общей цели. Они отличались внешним видом и манерой поведения, они работали в разных НИИ, а кое-кто, как заядлый анекдотчик густобровый Максим, и вовсе был гумани-тарием. Но особенно Вальдемара интриговали три странности этих собраний. Здесь никогда не распивали – рыцарей стакана не было. Сюда никто не приходил с женщинами, хотя в личном качестве женщины здесь бывали, бухтели, «выступая» на равных с мужиками, не уступая им в красноречии, но при них было нематерно. Наконец, обращало на себя внимание то, что у Андрея часто появлялись новые говоруны, словно бутылка на пьянку, приносившие с

собой самые фантастические слухи-послухи, а завсегдатаи вдруг исчезали. Для Вальдемара такое было в новинку, он не знал, как понимать эту текучку. Но годы спустя, когда довелось посетить кинотеатр, где зрители входили и выходили во время сеанса, ему вспомнились те посиделки в Доме на набережной.

Впрочем, костяк постоянных «кружковцев» всё-таки сложился, и осенью, подгадав отпуска, они могучей кучкой полетели в Джубгу. То были незабываемые две недели отдыха. Листая страницы дней, мужики увлечённо чертили на влажном песке какую-то хренотень, фантазируя по части завтрашних жизненных успехов, а жёны или подруги, как Аня, загорали на лежаках в сторонке. Вечерние программы у каждого были свои, и за счёт новых курортных знакомств пляжная компания мечтателей – волна стирала их умозрительные песчаные схемы – разрасталась.

К ним прибились два искушённых по экономической части чувака из Ленинграда, почему-то называвших себя змеиногорцами, с поперечным Госплану состоянием умов. Эти глашатаи истины запомнились безоговорочными наставлениями о скорогрядущей жизни, ибо качество нового важнее количества старого, которое вот-вот будет отринуто. Они принесли с собой весьма подходящий для тогдашних настроений девиз: «Жги и жди!» Сами змеиногорцы жгли беспощадно, чуть ли не в жанре проклятий сокрушая отжившее, не щадя ни признанных авторитетов, ни текущих порядков, и, похоже, хорошо знали, чего ждать. Горбачёвские призывы к ускорению их вообще не интересовали, они насмешливо называли этот лозунг «ускорительством». Ребята с берегов Невы жили какой-то другой жизнью, готовились к чему-то важному и неизбежному.

С югов Вальдемар вернулся другим человеком: впереди яркой звездой сверкала высокая жизненная цель, он жаждал избавиться отечество от бездушной, гнилой бюрократии, которую насаждают партийные динозавры, и не сомневался, что в новые светлые времена ему воздастся по его незаурядным способностям, что завтрашний день вознесёт его... Он даже не гадал, куда, в какие райские кущи, ибо перспективы открывались безбрежные.

И предчувствие не обмануло. Спроста ли тот памятный год прославился осыпной рябиной? В ноябре, подобно манне небесной, с властных верхов на брэнную землю был спущен закон об индивидуально-трудовой деятельности – именно о нём судили-рядили «песчаные» мечтатели в Джубге, именно его с нетерпением ждали ленинградские чуваки. Это был прорыв! Репетиторство, любые подсобные работы становились легальными. Разрешили извоз! Возможным становилось всё!

На сборищах у Каневского ликовали. Однако Вальдемар был несколько смущён, в душе мелькнула смутная тревога, лёгкая, непонятная, беспокоящая своей неразгаданностью, внешней беспричинностью. Он чувствовал странную перемену, даже сдвиг, резкий сдвиг общего настроения. Раньше здешние фрондёры вкладывали в суждения своё понимание вечного и доброго, которое наступит после избавления от засилья бюрократии. Теперь общие темы уступили место личному интересу: словно околдованные, все зациклились на том, как ловчее использовать новые возможности. Изошрённые, накачанные научными поисками молодые мозги эмэнэсов работали с предельной нагрузкой. Шутки в сторону, не до анекдотов! Наступает страда! Сегодня можно то, о чём вчера только мечтали! Даёшь колокольный звон и «Славься» Глинки!

Экскюз ми...

Впрочем, мимолётные непонятки не омрачали праздник эмоций. Пробившись в заветный круг посвящённых, Вальдемар шагал в ногу со временем, опережая тех, кому не дано осмыслить глубинную суть перестроечных сдвигов. В институтской курилке он, на удивление дымящего сообщества, перестал встречать в горячие, но бестолковые ежедневные перепалки вокруг шквала новостей – это удел заурядных натур! Известное дело, дуракам всегда понятно то, что скрыто от умных. Трепотня! Теперь это был уже не его уровень, теперь он знал куда

больше, чем аборигены из племени местных научных талантов. А хвастать своими познаниями было попросту лень, к тому же они не поймут, примутся недоверчиво выпрашивать, откуда ему известно. Знаю я их, сам таким был. Однако показать да испытать в деле свою выдающуюся политическую оснащённость всё же не терпелось. И пару раз он ездил на Пушкинскую, к редакции «Московских новостей», где свобода в буквальном смысле хлынула горлом, где ежевечерне клубился народ, балдевший от невиданной безнаказанности за публичное поношение власти. Пиршество свободомыслия! В этом кипящем котле страстей он чувствовал себя прекрасно. Правда, там кучковалась в основном командировочная публика, стекавшаяся на Пушкинскую, чтобы заворожённо внимать вольнодумным речам и глазеть на столичный цирк, где гастролировали разного замеса неприкаянные чучела из бывших или будущих пациентов Кащенко, те бедолаги, которых никто никогда и нигде не ждёт. Но зато здесь Вальдемар мог без труда собрать вокруг себя тесный кружок жадно слушающих, воспринимающих его как мессию и в опьянении от своей отваги отрывался в вещаниях по полной.

Благо вещал анонимно.

В курилке было иначе. Беспечную болтовню институтских всезнаек он образно уподоблял поверхности моря, по которому лёгкий бриз беспорядочно гонит пенистые барашки. А он, Вальдемар, – член экипажа таинственной подводной лодки, бороздящей глубины, где предрешается судьба перестройки, где заранее оповещают о замыслах верховной власти. Чувство превосходства поднимало его в собственных глазах, у него уже было право считать, что жизнь удалась.

Конечно, Анюте и Орлу с Региной он иногда приоткрывал своё новое понимание происходящего. Однако был откровенен не до конца, не уведомлял о том, чего надо ждать в самом ближайшем будущем, как это было с пустым, несбывшимся предсказанием политической перестройки. Не хотел выглядеть трепачом. Он впервые начал заботиться о своём авторитете.

И твёрдо верил, что наступающий восемьдесят седьмой год станет для него судьбоносным.

4

Никанорыч спустился в гостиную ровно через пять минут после половины одиннадцатого. Дело не в том, что долгая жизнь научила его быть точным, это само собой. Но после той истории в Испании категория времени вообще приобрела для него сакральный смысл: он всё делал вовремя, но никогда не сопротивлялся внезапным помехам, мешавшим в назначенный час прибыть на вокзал, в аэропорт или к врачу, считая, что насилие над непредвиденными, порой нелепыми обстоятельствами равносильно выпрошенному кресту и может обернуться непоправимой бедой. Помнится, когда-то был случай: служебная машина везла его на Казанский вокзал, но аккурат у Красных ворот забарахлил мотор, водитель посоветовал доехать на метро – рядом, один перегон. Никанорыч отказался, ждал, пока наладят мотор, и опоздал на поезд. Зато на душе было спокойно.

А та испанская история...

В конце двадцатых ему велели заочно учиться в инязе, готовили для другой работы, и он выбрал франко-эспаньол. А в 36-м его послали в Испанию. Он прилетел в Валенсию поздно вечером, разыскал отель «Метрополь» и принялся выпрашивать сеньора Доницетти. Но выяснилось, что в «Метрополе» приютилось советское посольство, а Доницетти – это товарищ Гришин, и он в штабе, через мост, вторая улица слева, третий дом справа. Гришин оказался «всегонавсего» знаменитым Яном Карловичем Берзиным, главой советской военной разведки. Он велел Никанорычу срочно подкрепиться в круглосуточной штабной столовой аррозбандой – рисом с морепродуктами – и немедленно, в ночь, отправляться на Мадридский фронт, где для него есть неотложное дело: через час туда двинутся три грузовика с боеприпасами. Никано-

рыча посадили в кабину, однако шофёр куда-то запропастился, и два грузовика ушли без третьего. А примерно через час, когда они догоняли колонну, далеко впереди до неба взметнулось пламя и сразу – снова гигантский взрыв. Когда подъехали, увидели страшную картину: один грузовик с боеприпасами попал под бомбёжку, второй сдетонировал. Маноло, шофёр, лихорадочно крестился, приговаривая, что здесь ему была предназначена «тумба миа» – могила. А Никанорыч посчитал, что его спасение было ниспослано свыше, через этого загулявшего парня, по-андалузски упускавшего букву «с». Разгрузившись в Альбасете, где размещался штаб интербригад, они лишь к обеду следующего дня добрались до мадридской гостиницы «Гайлорд». Там Никанорыч, ещё не нюхавший испанского пороха, попал в лапы к Эренбургу и Кольцову как человек, овеянный славой недавнего боя под Альбасете. Едва выкрутился. Но тот случай с «тумба миа» так прочно застрял в памяти, что с тех пор Никанорыч очень внимательно прислушивался к случайным нелепым помехам, считая их тайными посланиями свыше.

Видимо, по наущению Анюты встретили Никанорыча громко и дружно. Новогодний стол ломился от разносолов, за суматошный предпраздничный день все изголодались и, получив отмашку в виде «явления Христа народу», смачно набросились на закуску. Что, впрочем, не помешало Анюте представить застолью своих друзей Костю и Регину. Потом поднялся Саша.

– Первый предновогодний тост я хочу произнести за отца. Отец! В наступающем году тебе будет девяносто, мы юбилей обязательно отметим. Ты достойно прошёл через испытания, выпавшие твоему поколению, и сегодня становишься свидетелем нового поворота нашей истории...

– Многострадальной, – негромко вставил Вальдемар.

Александр Сергеевич одобрительно кивнул, но продолжил в прежнем тренде:

– И знаешь, отец, на этом повороте мы очень нуждаемся в твоих советах.

– Какие советы, Саша! О чём ты говоришь? – укоризненно перебил Никанорыч. – Смотрю телевизор и не понимаю, что происходит. Я человек ушедшей эпохи, индекс дряхлости зашкаливает, двери в вечность уже приоткрыты. Бери шинель, иди домой.

Показал глазами на потолок.

– Нет, дедуля, верно папа говорит, очень нуждаемся. А вот расскажи, как тебе удалось тридцать седьмой год пережить. Я-то знаю, да пусть другим наука будет.

«Анюта просто так не скажет, – подумал Никанорыч. – Неспроста меня в воспоминания втягивает. Значит, ей надо».

– Анюта, нам такая наука не нужна, – весело парировал Вальдемар. – А в историческом плане, конечно, интересно.

– Расскажите, расскажите, Сергей Никанорыч, – Ксения поддержала дочь.

Но Саша вернул празднество в прежнее русло:

– Погодите, друзья! Давайте выпьем за старейшину нашего стола, а уж потом попросим поделиться жизненным опытом. Отец, родной! За твоё здоровье! Ещё долго будь с нами!

Никанорыч пригубил красного, помолчал, ожидая, когда его снова начнут упрашивать. И верно, все загалдели. «Только Анютины друзья помалкивают, – заметил он, – наверное, стесняются, впервые в нашем доме». Скрестил руки на груди, сунув ладони в подмышки, откинулся на стуле. Начал с шуток:

– Ну что, други-приятели, голодающие вы мои, окунёмся в далёкое прошлое?.. Пуркуа бы и нет? Когда я вернулся из Испании...

– Дедуля участвовал в Гражданской войне в Испании. С орденом Красной Звезды вернулся, – пояснила Анюта.

– Так вот, вернулся я на прежнее место в контрольных органах. Но смотрю, фигуры первого класса под боем. Жизнь, она как шахматы. Начальника арестовали, его зама тоже. А я в конторе не последний человек, отделом заведовал. Большим отделом. – Сделал паузу. – Короче говоря, осмотрелся и думаю: земля круглая, жизнь долгая, если не укоротят. Сообра-

зил, что пора заканчивать со служебным поприщем, с коридорной суетой. Зачем по битому стеклу ходить? Как бы не порезаться. И через неделю уволился по собственному желанию. Вот и весь сказ.

– Ничего себе весь! – комментировал Александр Сергеевич. – Скажи уж, кем подрядился.

– А-а... – негромко рассмеялся Никанорыч. – Я, конечно, мог подыскать приличное место, с моим-то опытом. Но чего менять шило на мыло? Было ясно: пора отползать, Бог с ней, с карьерой, надо исчезнуть, за печкой спрятаться, залечь на дно, перебедровать транзитные годы. Как раньше говорили, наш удел – быть не у дел, а в посылках. Вот и переквалифицировался в натурального завхоза в Союзе художников. Потому меня судьба по-крупному и не трепала. Вовремя голову включил.

Александр Сергеевич внёс ясность:

– В партии отец не состоял, его разыскивать не стали. У них других изысканий было невпроворот.

– Умно! – похвально покачав головой, воскликнул Николай.

– Между прочим, я не один был такой умный. После смерти Сталина меня позвали назад, в контроль, на отдел, опытные люди понадобились. И был у меня сотрудник, в прошлом лейтенант НКВД, помощник первого секретаря ЦК партии Украины Постышева. Когда Постышева из Киева взяли в Москву, он смекнул, что к чему, пользуясь служебным положением, выправил себе новые документы и исчез. Переквалифицировался в управдомы – буквально! Ну и потерялся. Постышева расстреляли, а он уцелел.

– Да, страшное было время, – подхватив ругательный смысл, сочувственно и задумчиво произнёс Вальдемар.

– Я бы сказал иначе: великое и страшное, – откликнулся Никанорыч. – Время с большой буквы.

– Вы хотите сказать, что наше время – с прописной?

– Дорогой мой друг, это не наше, а ваше время. Молодёжь сейчас во хмелю. Через десятилетия вы сами же и дадите вашим дням историческую оценку. А я человек старого покроя, мои скорби и радости только в памяти сохранились, сейчас-то одна забота – как бы не схватить сквозняку. Ваше время не понимаю, застрял в прошлом, а у каждой эпохи свои правила, своя мораль, – на секунду запнулся, – свои душевные нездоровья... Но пока топчу землю, безучастно глядеть в будущее не могу, за вас сердцем болею. У меня, по былой службе поседлого и въедливого контролёра жизни – прежде всего хозяйственной, явились опасения, как бы в нынешних боях за светлое завтра первой не полегла экономика. Нынче-то она не опекаема, не оберегаема. Реляции слышим, о реалиях ничего знать не знаем. Наличие отсутствия... Вот и не сообразишь, что кричать: «ура» или «караул»?

– Наоборот, Сергей Никанорович! Знающие люди говорят, что вот-вот разрешат производственные кооперативы. С дефицитом товаров будет покончено раз и навсегда!

Тут вступил Николай, сказал неопределённо:

– У нас в Свердловске мнение, что власть в растерянности, яичницу из крутых яиц жарит. А ещё слух, будто скоро на заводах директоров будут не назначать, а выбирать.

– И как этот слух аukaется? – заинтересовался Александр Сергеевич.

Николай помедлил, потом сказал так, что его личную точку зрения понять было невозможно:

– Особо интересоваться этим у меня пользы нет, сейчас только и гляди, чтоб свою очередь не пропустить. Но вроде так: одним это по душе, а другие против. В общем, раскол, замороженные люди стали, кругом потёмки, бедой пахнет.

– Ну, понятно, – улыбнулся Крыльцов. – Кому хорошо на заводе живётся, тот против, от добра добра не ищут, в стойле тепло. А недовольные перемен жаждут. Но по-крупному вопрос стоит иначе: о развитии низовой демократии. Спрос момента! Мы в институте это уже почув-

ствовали. Наш ректор – демократ истинный. Высочайшие умозрения не только учитывает, но и разделяет. Он о себе как говорит? Я, говорит, из тех, кто вырос на Старом Арбате; мы люди независимые, кошки, гуляющие сами по себе. Его слова!

– Оно известно, у каждого добра своё зло, – отговорился Николай.

Никанорыч, внимательный от природы, угадал, что Вальдемару эта тема неинтересна, он не вслушивается, ему не терпится продолжить своё. И вправду, едва за столом возникла пауза, он как бы в пространство, но явно полемизируя, высказался:

– А что касается великого времени... Известно немало примеров, когда ничтожные по своей сути тираны вбивали своё имя в историю через зверства и жестокости. Сталин в этом смысле не одинок.

Никанорычу не хотелось поддерживать этот ненужный, обременительный «обмен любезностями», – верно теперь шутят: чем человек моложе, тем он больше пострадал от Сталина. Но вдруг в памяти всплыло нечто забытое, очень далёкое, но и очень примечательное. Перед мысленным взором явился небольшой бальный зал старинного особняка на Молчановке, превращённый в заседаловку: с измызганным, истоптанным фигурным паркетом, с двумя колоннами у входа – под мрамор, а может, и впрямь мрамор, – между которыми натянули здравицу в честь Рабоче-крестьянской Красной армии, с цветистыми обшарпанными обоями. В тот раз они собрали военных контролёров, и выступить перед ними приехал Сталин.

Никанорыч поправил очки, напрямую обратился к Вальдемару:

– Мой дорогой друг, здесь мы с вами не товарищи по мнению. Понимаете ли, ваши слова о ничтожестве заставили меня вспомнить одно любопытное событие. В двадцать втором году, а может быть, в двадцать третьем, могу ошибиться, мы проводили на Молчановке совещание главных военных контролёров, и на нём выступил Сталин. О чём он говорил, конечно, не помню, наверное, рядовая текучка тех лет. Но одна его фраза врезалась в память намертво. Просто забылась, спряталась где-то в извилинах мозга, в подсознании, а сейчас вот и выскочила наружу.

Выдержал паузу и отчётливо, громко произнёс:

– Не кусайте за пятки, берите за горло.

От неожиданности все замерли. Анюта, помогавшая Зое с переменной блюд, застыла с тарелками в руках.

– Дедуля, ты мне этого не рассказывал.

– Да я сам позабыл, как-никак шестьдесят годков минуло. И вдруг – на языке!

Вальдемар аж опешил, очень уж мощно прозвучала фраза, тысячи подспудных смыслов таились в ней. Подумав, ответил:

– Сергей Никанорович, вообще-то люди склонны приписывать громкие фразы историческим личностям, делая из тиранов кумиров. – Вежливо улыбнулся. – Это, кстати, нормальная аберрация памяти: фраза могла родиться в вашем сознании, а вы её приписываете Сталину.

– Да нет же, Вальдемар! Я сам, вот этими ушами, – взялся за мочку – слышал её от Сталина. Он был в сапогах, кажется, в кителе – этого не помню, а вот сапоги запомнил, – стоял около маленького президиумного столика, как бы беседовал с нами. Это во-первых. А во-вторых, Вальдемар, не возводите меня в сан гения. Если бы я умел одной фразой выразить философию власти, то наверняка стал бы не контролёром, пусть и высшего ранга, а каким-нибудь членом Политбюро. Не кусайте за пятки, берите за горло! Так сказать мог только гений. И придумать такое за Сталина мог тоже только гений. Да! Не знаю, известно вам это или нет, мы-то знали: многие драматурги на читку посылали пьесы Сталину. И он читал, да. Сложная фигура. Но мощная, историческая, это несомненно.

– Отец, я потрясён. Действительно, он четырьмя словами сформулировал философию власти, своей власти, правильное сказать, режима, диктатуры. Да, в гениальности Сталину не откажешь. Даже Хрущёв, разоблачитель культа личности, говорил, что Сталин – гений. Но –

злой гений. А сегодня мы знаем больше, чем Никита вывалил на XX съезде. Цифры репрессированных, знаешь ли, впечатляют. Правильнее сказать, заставляют содрогнуться.

– Александр Сергеевич, ещё Толстой говорил, что истина в подробностях, – поддакнул Вальдемар. – А сегодня из архивов такие подробности о сталинщине извлечены, что жуть берёт. Тёмное было время.

Анюта вдруг воскликнула:

– Уже без десяти двенадцать! За вашими спорами Новый год прозеваем. На-а-ливай!

– Какой «наливай», Анюта? Шампанское надо под куранты откупоривать, – спохватился Крыльцов. – Пока пусть каждый прицелится. Вот эта бутылка – полусухое, пять процентов, эта – полусладкое, восемь процентов. А брют привезла Анюта.

– Ты, Саша, профессор. Мог бы проценты сахара указать с точностью до одной десятой, – неуклюже пошутил Никанорыч. Он намеренно подхватил Сашины указания, чтобы увести разговор подальше от сталинской темы. С гордостью подумал: «Анютка-то молодец! Ловит мышей. Ишь как лихо прервала эту бесплодную дискуссию. Толковую внучку мне Господь послал».

Потом все слушали по телевизору Горбачёва, а под первый удар курантов с бурными воплями бросились открывать шампанское. К последнему удару успели открыть, налить и пригубить. А допивали уже в новом году.

– Надо же, не успел закончиться восемьдесят шестой, как сразу пошёл восемьдесят седьмой. Какая спешка! – вкинул Вальдемар.

– Посидели, покушали, президента послушали... – в тон ему подкинул Александр Сергеевич.

Без осечки начался год, значит, должен получиться неомрачённый.

После Нового года разговоры пошли иные. Сначала Ксения подняла бокал за этот Дом с большой буквы, за то, чтобы в наступающие, по всему видно, благие времена этот Дом почаше собирал тех, кто сейчас за столом, а она в качестве хозяйки этого Дома обещает радушие и хлеб-соль.

Только выпили, Ксения поднялась снова.

– Друзья мои, я произнесла тост как хозяйка, считаю его важным, даже обязательным. А теперь позвольте сказать несколько слов о тех благих временах, в которые мы вступаем. Наконец-то! – она говорила не пафосно, однако уверенно, убеждённо. – Мы в библиотеке научной литературы знаем, что о настроениях в обществе лучше всего судить по тому, на какие книги спрос. Я занимаюсь философским разделом и вижу, как резко возрос интерес к работам Мераба Мамардашвили, прежде всего к его выдающимся лекциям. Размышления этого свободного мыслителя, грузинского Сократа, как его иногда называют, о вечном, всемирном сегодня особенно востребованы. К тому же подспудно в его суждениях сквозит скептицизм по отношению к власти, чувствуется, что он с властью порознь, и это значит... – Ксения сделала паузу. – В общем, вы понимаете, что означает взрыв интереса к Мерабу Мамардашвили, и хочу поднять бокал за то, чтобы предчувствия не обманули нас всех.

Чокнулись, выпили. И тут произошло нечто любопытное. Упорно молчавший до боя курантов Костя вдруг обратился к Ксении:

– Конечно, Мамардашвили – крупный философ. Но вы, возможно, знаете, что он пять лет работал в журнале «Проблемы мира и социализма», – между прочим, журнал неподцензурный! – а туда посылали исключительно по разнарядке ЦК КПСС. Недавно в «Аргументах и фактах» писали, что «Проблемы» размещались в Праге, на улице Рабиндраната Тагора, в здании бывшей духовной семинарии, и что с этой пражской позиции многих брали на работу в Международный отдел ЦК. Кроме того, Мамардашвили колесил с лекциями по всему миру,

среди невыездных не значился, а многие ли из присутствующих бывали на Западе? – взглянул на слегка оторопевшего Крыльцова.

Ксения, видимо, ещё не поняв, что к чему, отреагировала мгновенно:

– Мы с Сашей были в Париже. Центр Помпиду осмотрели. Весь Лувр обошли, – улыбнулась, – Венере Милосской перчатки примерили.

Улыбнулся и Костя:

– Я не о туризме. Известно, с лекциями за рубеж у нас едут только по разрешению того же ЦК. Получается, Мамардашвили, который говорит о себе, что он внутренний эмигрант, на деле негласно входит в номенклатуру. И недавний его цикл «Беседы о мышлении», где он утверждает, что прошлое – это самое страшное, что у нас есть, очень даже с новыми поветриями монтируется, вполне в духе придворных нравов. Он наше прошлое не признаёт. А суть человека проявляется не в том, за что он ратует, но в том, что он отрицает. Кстати, прошлое-то можно изобразить каким угодно, кто-то из великих советовал брать из него огонь, а не пепел, кто – не помню. Но кому-то и пепел может приглянуться.

Так глубоко в тему Ксения не ныряла, она растерялась. И на помощь пришёл Крыльцов:

– Костя, вы, оказывается, увлекаетесь философией. Очень достойное занятие.

– Нет, уважаемый Александр Сергеевич, я философией не увлекаюсь. Просто наблюдаю за тем, что происходит. – Обратился к Ксении: – Вы очень верно сказали, что интерес к Мамардашвили возрос. Потому и я к нему присмотрелся.

– Он у нас въедливый. – Это Вальдемар.

– Канешна, посмотрел кое-что. Вальдемар знает, у нас в институте сейчас что-то вроде разброда, не до науки стало, начальство не жмёт, времени свободного больше. Хоть обчитайся! Я и вычитал, что от Мамардашвили и национализмом попахивает. Он что заявил? Грузины не принимают дерьмовую, нищую жизнь, которой довольствуются русские, русские готовы есть селёдку на клочке газеты, для грузина это неприемлемо. А для меня, русского в десятом поколении, такие речи неприемлемы.

Над столом повисла тишина, и Костя, наверное, для того чтобы смягчить свои резкости, повернулся к Вальдемару.

– Кстати, Мамардашвили – земляк Сталина, тоже из Гори.

Вальдемар отшутился:

– Помните, как Пастернака исключали из Союза писателей? Все говорили: я «Доктора Живаго» не читал, но порицаю. А я скажу: Мамардашвили не читал, но одобряю. Люди, чьё мнение я ценю, очень этого философа чествуют.

– Сейчас таких, которые русских поносят, их как собак нерезанных, – заговорил Николай. – Я вот кое с кем в Москве пообщался – ма-ать царица, что творится! Сразу этот смрад учуял. Смердит.

Никанорыч, давно закончивший трапезу, – много ли в его возрасте надо? – внимательно вслушивался и вглядывался в эти всплески и проблески новой жизни. Он понятия не имел, кто такой Мераб Мамардашвили, и даже не пытался выбрать чью-либо сторону в застольном столкновении мнений – Ксении или этого Кости, для него было важно другое. Он понял, что Мамардашвили – фигура спорная, причём полярно: у одних он вызывает восторги, другие его не приемлют. То ли заводная канарейка, поющая по заказу, то ли что-то вроде вервольфа, оборотня. И поскольку, как явствует из сказанного, философ каким-то боком связан с партноменклатурой, то можно сделать вывод, что во власти назревает раскол, которого следует опасаться. Никанорыч помнил расколы рубежа двадцатых и тридцатых; Сталин за пятки не кусал, сначала взял за горло, убрав Троцкого. Конечно, сегодня ситуация иная, однако раскол во власти всегда губителен.

Примерно в половине второго раскланялся и пополз на второй этаж. Но спать не хотелось. Долго качался в кресле, припоминая и осмысляя подробности новогоднего застолья. При-

рода наделила его особым умением подмечать мелкие детали жизни, умением, которое оттачивалось на краткосрочных курсах в начале тридцатых, а главное, возрастным опытом. Он знал: именно мелочи, не контролируемые сознанием, порой позволяют угадать то, что человек скрывает под покровом публичного поведения, понять его глубинные чувства, намерения, желания. Выходец из служивой среды, он знал, что умело подмеченные детали дают возможность кое-что предугадывать, а то и делать самые верные выводы.

От его стариковской наблюдательности не ускользнуло, с каким повышенным вниманием Аня слухала спичи этого Кости, как поспешно шикнула, когда Зоя спросила, нести ли пирог. Никанорыча эти частности наводили на побочные мысли. Подумал: «Парень глубокий, с интересным складом ума. Как он про утверждение и отрицание вставил, а! Такие понимания обычно подсказывает опыт старости, да и то далеко не всем. Что ж, ветер в спину». Заметил и другое: несмотря на отменный аппетит Кости, его тарелка никогда не пустовала, молчаливая Регина только тем и занималась, что наполняла её закусками. Аня вокруг своего ухажёра так не плясала. Кстати, Вальдемар сегодня был самим собой, пружинистый парень. Никанорыч не раз чаёвничал с ним в летние месяцы на веранде, их отношения складывались по-доброму, потому молодой человек и позволил себе откровенную полемику со старейшиной стола. Никанорыч не разделял телячьих восторгов Вальдемара по поводу идущих перемен – в Брест-Литовске о таких восторгах говорили: «Свистёж!» – однако природным чутьём ощущал, что парень, хотя избыточен в самовыражении, хотя живёт в моменте, без загляда вперёд, но порядочный, не подлец и не хитрец, не пройда. А это главное.

Остальное пусть решает Аня.

5

В небольшой уютной двушке у Речного вокзала, где жил Рыжак, было дымно и шумно. На кухне трое мужчин, затягиваясь сигаретами, неспешно потягивали кофе – его варила хозяйка дома. В гостиной в свободных позах сидели в креслах и на стульях ещё пятеро, а в торце некажистого обеденного стола восседал хозяин квартиры.

Восседал и вещал:

– Ситуация складывается благоприятно, и надо убрать с пути помехи, способные притормозить наше святое дело.

– Расшифруйте первую часть тезиса. О благоприятствовании, – требовательно отозвался худенький бородач, утопавший в плюшевом кресле.

«Ему уже выкают», – с удивлением подумал Вальдемар, притулившийся у окна, которое глядело на внутриквартальный проезд. Впервые он закатился сюда прошлой осенью. В тот год палой листвы намело много, тротуары были устланы ярким жёлтым ковром: начали сбрасывать осенний наряд клёны, посаженные лет тридцать назад, когда этот просторный новострой панельных пятиэтажек считался в Москве кварталом для избранных – тех, кто мог позволить себе покупку кооперативного жилья. А сейчас здесь буйствует зелень, кроны деревьев закрывают обзор.

С прошлой осени он бывал здесь довольно часто. Они не стоваривались, но как-то само собой получилось, что накануне Рыжак звонил ему и, словно пароль, с ударением произносил одно-единственное слово: «Жду!» Потом уточнял время. Дмитрий вовсе не в шутку называл свою квартиру неким штабом, где можно обсудить перестроечные события и обговорить план ближайших действий. Курилка давно кончилась, в институте от прежней дисциплины следа не осталось, эмэнэсы, обретя возможность зарабатывать бешеные деньги на договорняках, отбросили аспирантские заботы, ринулись наводить мосты с потенциальными заказчиками, подгоняли под их интересы кандидатские темы, переводя их в новый, «сторонний», то есть оплаченный формат. Некогда строгое начальство безропотно подписывало любые просьбы

о пересмотре статуса научных дерзаний – перестройка! «Отцы» института сами включились в денежную гонку, резво добывая выгодные заказы и хитроумно распределяя их среди подчинённых. Где-то высоко-высоко наверху начали безжалостно рубить государственное добро, а у институтского люда не саднило, бесхозные перестроечные щепки народ потащил в свой огород. Настроение, как шутил Рыжак, – эпос с пафосом.

И все понимали – это только начало!

По-новому, теперь уже осязаемо, возрождалась идея хрущёвского светлого будущего – нынешнее поколение будет жить при развитом капитализме! Впереди, за ближайшим поворотом истории, ждала безоблачная благополучная жизнь, а главное, приобщение к евросчастью. С личными авто и бесчисленными зарубежными вояжами, с шопингом по бездефицитным, пухнувшим от обилия товаров магазинам, с ночными барами, где подают изысканные коктейли, с шикарными соблазнительными женщинами, с атмосферой жизни, полной восторгов шоу-бизнеса, аромата дорогого парфюма, сигарного дыма и марочного алкоголя. Более того – со свободой разгульного матерного слова. А ещё чарующий запах жареных каштанов на Елисейских Полях, и это не считая земного рая в заокееанье... Надо лишь поскорее отправить в небытие исторические трупы, всё ещё маячащие на трибуне мавзолея, покончить с геронтократией и её официальной ложью, с гроыхающей дурацкими лозунгами, закоснелой в догматизме партийной властью, которая десятилетиями гнобит самых талантливых, наиболее умных, энергичных, со светлыми лицами.

Эти настроения были широко разлиты в их среде. Окидывая мысленным взором перестроечные годы, Вальдемар поражался скорости – супер-гипер! – идущих перемен. Да и началось-то всё довольно шустро. Но с 87-го года события помчались лихорадочно, на сверхзвуке, каждодневно сменяя друг друга, не позволяя «переварить», осмыслить поток верховных уложений, опрокидывающих прежние догмы.

Как и ожидали в кругу избранных из Дома на набережной, уже в феврале 87-го разрешили кооперативы по производству товаров, а в 88-ом... О, это была эпопея! В марте под лукавым лозунгом изъятия сверхдоходов Минфин ввёл прогрессивный налог на кооперативы, готовя под них законодательную базу. А уже в мае был принят долгожданный, выстраданный закон о кооперации – верхнее ля, по которому теперь предстояло настраивать политические инструменты. Разрешалось всё! Можно торговать! Можно использовать наёмный труд! Да, эпос с пафосом.

Впрочем, Вальдемар ликовал по этому поводу, как говорится, за компанию, по жизни поразительные перестроечные новшества его не затрагивали, он просто испытывал душевный подъём. Суету вокруг закона о кооперации – а его варианты в ожесточённых спорах обсуждали в Доме на набережной – он воспринимал исключительно с точки зрения новых идейных интересов. Жить стало веселее, его всё более увлекала идея сокрушить опостылевшего партийно-советского монстра, однако раньше он считал, что их потуги равносильны попыткам растопить айсберг спичками. Но теперь, кажется – да, пока всего лишь кажется, не верь гречихе на цветку, осторожничал он, понимая, что сегодня именно слово «пока» становится ключевым, – монстр наконец получил первое серьёзное ранение. К сожалению, совместимое с жизнью. Но в том, что на верхах царит истерика и неразбериха, Вальдемар не сомневался. И в этих радостях упустил главное.

Здесь, в квартире на Речном, вдохновлённый майским указом Рыжак разъяснил ему глубинную суть дела.

Нет, он не разъяснял, полагая, что Вальдемар сам всё понимает. Он говорил как бы сам с собой.

– Итак, что мы имеем? Два грандиозных прорыва! Во-первых, мы имеем указ № 10.

– Что за указ?

– Ну как же! Министр внутренних дел Власов издал указ, по которому милиции запрещено вмешиваться в работу кооперативов, даже заходить в их помещения нельзя. Никаких проверок! Это гадючее племя, дерьма им за шёку, задушило бы нас придирками, требуя взятки. – Вылез из кресла, подошёл к окну. – Конечно, этот указ долго не продержится, отменят. Но! – Торжествующе затряс в воздухе кулаками. – Калоши не промочим, успеем! Встанем на ноги и станем чемпионами жизни.

Вальдемара удивили эти «мы» и «нас», было неясно, от чьего имени говорит Рыжак. Но его убеждённость, его восторженность заряжали оптимизмом, хотелось знать больше.

– А что во-вторых?

– Во-вторых?.. – На миг растерялся, но тут же нашёл потерянную мысль и азартно обрушил на Вальдемара водопад эмоций. – Как же! В порядке эксперимента, – громко захохотал, скривил в гримасе худошавое лицо. – Экс-пе-ри-мента! Некоторым кооперативам дадут право заниматься экспортом-импортом. Ты прикидываешь, что это значит?

Вальдемар искренне не понимал, кооперативная субстанция была слишком далека от его интересов. Но Рыжак, видимо, решил, что тут всё ясно, и сразу занялся, по его мнению, коренным вопросом.

– Ты же знаешь, что в наших делах означают формулировки «эксперимент», «в порядке исключения» и тэдэ. Это значит – пли-из! – можно всем, можно любому, надо лишь слегка подмазать. Или не слегка, а смачно. И – моё почтение! Но главное, главное-то в другом. У тебя червонец есть?

– Червонец? – опешил Вальдемар. – Есть. И что?

– А то, что сегодня ты на этот червонец можешь купить, скажем, буханку хлеба. Но пошла инфляция, через год ты купишь на червонец, дай Бог, половину буханки. Червонец обесценится. Верно говорю?

– Ну?..

– Что надо сделать, чтобы сохранить свои деньги? – И в ответ на недоумённое молчание выпалил: – Да всё теперь очень просто. Нужно вывезти их за рубеж.

– Рубли? Кому они там нужны?

– Зачем рубли? Допустим, кооператор продаёт за бугор... ну, пусть, чтобы поближе к нам, алюминиевый сплав Д-16, самый примитивный.

– Какой сплав! Кооператор будет выплавлять алюминий? Ты спятил.

Рыжак аж подпрыгнул, смешно всплеснул руками, с упоением затараторил:

– Кастрюля! Зачем, Вальдемар? За-а-чем? Как ты не понимаешь! Алюминий можно купить здесь, за рубли. Это мы с тобой экономим на утреннем кофе, а есть люди, у которых рублей немерено, из-за инфляции их деньги и встревожились. Цеховиков со счёта не списывай. Ну вот, купил алюминий – это я для примера – вывез его, а там продал за доллары. И что? А то, Вальдемар, что доллары эти возвращать в Россию не надо. Пусть за бугром маринуются. А через год, хоть через пять лет, когда здесь рубли понадобятся для вложения в дело, ты привозишь свои доллары, которые выручил, продав алюминия на червонец, и получаешь за них сколько?.. А это, дорогой мой, зависит от инфляции. Может, пять червонцев, а может, и десять. Главное-то в другом: своя буханка, целёхонькая, тебе всегда гарантирована. Вывод денег через экспорт – это сохранность капитала! Сечёшь?

Своим инженерным умом Вальдемар, разумеется, понял всё. Но эти расчёты были так далеки от интересов, которыми он жил, что осознать бурную радость Рыжака он не мог. Лишь потом, начав вслушиваться в ньюс, касающиеся кооперативной экономики, – раньше на них не обращал внимания, – он засёк, что какой-то кооператор на первом в СССР автомобильном аукционе купил «Волгу» за сто тысяч рублей. В двадцать раз дороже заводской цены! И тот деляга вовсе не стеснялся раздавать интервью – даже гордился своим финансовым подвигом. Хотя закон строго требовал отчёта за покупки дороже десяти тысяч, никого не волно-

вало происхождение стотысячного капитала. Не работало и правило «изъятия сверхдоходов» с прогрессивным налогом. О нём сначала забыли, а потом, как раз на период действия указа № 10, временно – временно, временно, Карл! – ввели для кооператоров 3-процентный налог на любой доход. Без прогрессии! Помнится, очередная сходка в Доме на набережной превратилась в праздник, шум до небес. Закон об ИТД, который обмывали совсем недавно, – семечки по сравнению с нынешним арбузом. Успеем отмыть деньги! И, словно грибы после летнего дождя, повсюду повывезали из земли общественные туалеты.

Платные.

Вальдемар не вслушивался в то, что Рыжак говорил новичкам, пожелавшим примкнуть к новому атакующему классу и присланным сюда для вводной беседы, для компостирования мозгов. Известно, что он должен говорить... Но в памяти всплыл давний – Господи, это было всего-то полтора года назад – разговор с канадским журналистом. Говорил же тот парень, что тёмное вино в русской душе должно перебродить, и потому перестройка не случится, если впереди экономики не поставить политику. А на январском Пленуме ЦК 87-го года так оно и вышло. С тех пор всё закрутилось с бешеной скоростью. Как в воду глядел канадец. Предвидел или всё-таки знал, что будет? От себя говорил или с чьего-то голоса и по поручению? А если по поручению, кто банкует? А вдруг – для назидания...

– Скажите конкретно, какие вы ставите задачи? – не унимался настырный бородач.

Рыжак загадочно улыбнулся – только он умел улыбаться столь интригующе и располагающе. Поднял брови, склонил голову набок.

– Друзья, я постарался изложить вам своё понимание общей ситуации. Вас это ни к чему не обязывает. Но постановка задачи – это сам по себе иной уровень и доверительности, и... – поискал верное слово, – готовности действовать. Каждому из вас предстоит осмыслить услышанное. Давайте не поспешать, – красноречиво глянул на бородача. – Увидимся ли мы снова, зависит только от вас.

Встал, за ним поднялись остальные.

Когда остались вдвоём, Дмитрий крикнул жене, чтобы принесла кофе, и позвал Вальдемара.

– Садись. Сегодня будет важный разговор. Ты слышал, что я им сказал?

– Ты всем одно и то же говоришь.

– Сегодня было кое-что новенькое. Я дал понять и, кстати, сам утвердился в этом мнении, что пора побеспокоиться об устранении с нашего пути непредвиденных помех. Так сказать, в профилактических целях... И в стратегических.

В комнату, держа в обеих руках по чайной кружке кофе, вошёл один из «кухонных» мужчин. Рыжак умолк, пережидая, пока они вновь останутся наедине. Пояснил:

– Сметливые парни. Но у них уши выше лба не растут, для настоящего дела непригодны. Они на подхвате, в поле работают. – Усмехнулся. – Расходный материал... Та-ак, ну давай к нашим баранам. Дело-то вот какое, Вальдемар. Замелькала на горизонте некая группа субъектов, и надо к ней присмотреться внимательнее: что за пальба-стрельба? Казалось бы, о чём речь? Сейчас неформалов – ежедень по дюжине новых движух заявляются. Но эта... Мы провели оценочный анализ, и сия компашка весьма нам не понравилась. ОФТ – Объединённый фронт трудящихся. Название, оно ни о чём не говорит. Но они вылезли с опасным предложением, и кое для кого их идея будет заманчива. Каша может завариться крутая. Рванёт, где не ждали.

Опять умолк. Тот же парень, что и прежде, принёс тарелку с овсяным печеньем. Обмакнув печенье в кофе и смакуя незатейливый десерт, Дмитрий с полным ртом, поначалу не очень внятно продолжил:

– Понимаешь, Вальдемар, очень уж резвыми эти ребята оказались. Широко шагают, и хорошо бы у них штаны лопнули. Только что, в июне, своё ОФТ сколотили, а на июль уже

назначили всесоюзный съезд. И где? В Питере! Хотят срочно проташить свою идею о выборах в местные советы по производственным округам. Ты представляешь, тухло-жарено, чем это аукнется?

– Погоди, погоди. Если не ошибаюсь, Горбачёв на Ижорском заводе именно эту идею и поддержал.

Рыжак хитро прищурил один глаз, высоко поднял бровь над другим. Глотнул кофе.

– А ты прикинь. Генсек беседует с рабочими – как можно не поддержать? Они тоже не дурачье, знали, когда вопросик подкинуть. А мы теперь – расхлёбывай, выкручивайся. В Питере у нас народ дерзновенный, «пошёл на дело» круто, дерзко. Подготовка к их съезду идёт полным ходом: срочно зарегистрировали Ленинградский народный фронт, фрахтуют пикетчиков. «АиФ» ставит в номер статью о связях кровавой ферганской резни с подстрекателями из ОФТ – в Питере сумели найти автора под эту лажу. Давить их надо, пока эта саранча пешая, если на крыло встанет, не справимся. И нам нужно в деталях знать, что замышляют эти сата-наилы, мы не можем ждать, пока информацию сольют из органов. Схватка на пике. Судьбы перестройки решатся в ближайшее время... Короче говоря, Вальдемар, тебе предстоит смотреться в Питер и любой ценой пролезть на их съезд. Ребята из нашего народного фронта помогут, чем могут.

Улыбнулся своему каламбуру.

Через три дня Вальдемар занял нижнюю полку в «Красной стреле» – началась первая в его жизни командировка. Попутчиков было двое. «Не считая женщины», – тайно хохотнул он. Но шутка оказалась кстати: когда поезд тронулся, женщина подыскала место в другом купе. Вместо неё вселился объёмистый мужчина с солидным дерматиновым портфелем. Побалагурил о долгожданном освобождении от домашних пут – увы, недолгом, – достал из поклажи пузырь «Старки», бутерброды и обратился к обществу:

– Ну что, граждане, по дуплю шнапса? Не трефное.

Попутчики радостно оживились, а Вальдемар, учуяв, к чему клонится дело, не желая участвовать в полупьяных путевых разговорах, сослался на жуткий недосып последних дней, уступил балагуру нижнюю полку и забрался на верхнюю.

Конечно, не спал. Ему было о чём подумать.

В суматохе и возбуждении последних месяцев он, отличник по жизни, слепо веривший в неременную удачу, не размышлял ни об успешных поприщах, которые сулил перестроечный натиск, ни об отношениях с Анютой, которые «по стажу» требовали развития, ни о своей роли в той политической драке, в которую он ввязался. Восторженно ринувшись в клокочущую новшествами перестроечную стихию, одержимый идеей устранить постылую командно-административную систему, – пиковый момент! вот-вот! ещё чуть-чуть! – он вообще не думал о будущем, о той судьбе, какую ему предлагает – или подсовывает? – неумолимый рок событий. В режиме нескончаемого цейтнота Вальдемар летел сквозь настоящее, сквозь квантовый скачок страны с одной исторической орбиты на другую и сквозь собственную жизнь тоже. Только здесь, в купейном покое «Красной стрелы», оглянувшись на самого себя, он вдруг споткнулся о странную мысль: не превращается ли его бесконечная суета, без которой он уже не мыслит своего существования, – искусительный ореол избранности! – в некое подобие игровой зависимости?

Сблизившись с Рыжаком, он вскоре пришёл к выводу, что когорта перестроечных энтузиастов многослойна, в ней соблюдается строгая иерархия – пирамида! В основании тот «расходный материал», который в ожидании указаний с равнодушием наёмников и наверняка за вознаграждение заседает на кухне в квартире у Речного вокзала. Над ними типажи, которых вербует на вступительных лекциях Рыжак. У Андрея в Доме на набережной в основном кучковались именно они, уже завербованные, на них возлагалось обеспечение громких низовых

акций, а также шумная поддержка «архитекторов» перестройки. Их заявления охотно тиражировали СМИ. Более престижным было находиться в слое организаторов акций, манифестаций и мероприятий, к которому принадлежал Вальдемар и который он самочинно, не без гордости, но и не без оснований считал ударным отрядом перестройки. Выше располагался Рыжак. Он проходил по разряду разводящих – ставил задачи, разъясняя их показные и подспудные цели; он знал нечто такое, что было недоступно пониманию даже Вальдемара, не говоря о нижестоящих уровнях иерархии. Рыжак, видимо, общался с кругом тех уже знаменитых застрельщиков, которых почтительно именовали «прорабами перестройки». И не только общался, похоже, входил в число «распасовщиков». Догадывался Вальдемар и о том, что где-то на самом-самом верху, на заоблачной вершине восседают те, кто заводит механизм перестройки, обеспечивая её идеями и ресурсами – от медийных до финансовых. За облаками их не разглядеть, но именно они решают главные вопросы, именно с этих вершин поступило распоряжение «выкручиваться». При общении с рабочими Горбачёв вынужден соглашаться на выборы по производственным округам, но на самом деле он категорически против, замысел перестройки требует торпедировать эту идею. И с вершины, а правильное было бы сказать, из скрытых недр власти, от чародеев перестройки негласно, через «прорабов», поступает команда объявить ОФТ войну. Прорабы! Теперь Вальдемар знал, что многие из них вылупились именно из пражского журнала «Проблемы мира и социализма», о котором в Кратово когда-то говорил Орёл. Прорабы и проблемы! Всё-таки любопытно жизнь поворачивается. Выходит, перестроечный авангард готовили загодя, потому и бесцензурно? И кто готовил? ЦК КПСС!

Завершив возведение, по его мнению, стройной и величественной пирамиды ударников перестройки, Вальдемар поймал себя на мысли, что страстно жаждет перейти на более высокий уровень иерархии – на тот, где священнодействует Рыжак. В этом желании не было и намёка на меркантильность, он вообще никак не связывал стремление сокрушить партийного колосса – теперь уже явно на глиняных ногах! – с карьерно-денежным успехом, речь шла исключительно об идейном зове. Разве что станет проще делать научную карьеру и легче добиваться кандидатской, а затем докторской степени – в соответствии с его незаурядными способностями, а не по приговору начальства, которое своенравно сыплет долгими диссертационными сроками, если ты не ломаешь перед ним шапку.

Под стук колёс «Красной стрелы» Вальдемар, поплутав по лабиринтам перестроечной мешанины, всё-таки нашёл своё место в теперешней борьбе миров – грядущего мира свободы волеизъявлений и счастья для таких незаурядностей, как он, с издыхающим миром затхлости, угнетения личности и вечного дефицита, с теперешней посконной жизнью. Много прояснилось: конечно же, он – борец за идею! Эти возвышенные чувства и позволяют ему спокойнее, без раздражений и самобичеваний относиться к тем единомышленникам, чьи порывы вызывают в нём сомнения, порой полное непонимание. Переступить через себя не пришлось, он примирился с самим собой. Тех, что из Политбюро, мы ещё заставим дышать нам в пупок, поставим их на колени.

Можно было переходить к раздумьям об отношениях с Анютой.

Он очень любил её, она притягивала его неодолимо. И с годами чувство крепло, он постепенно признал её превосходство в глубине суждений – как у Орлова, и сердцем и умом осознал её нравственную чистоту, человеческую надёжность. Но в последнее время появились два смущения. Во-первых, с головой нырнув в перестроечную кутерьму, он стал уделять Анюте меньше и времени, и внимания. Но как раз эту особенность текущего момента она поняла и приняла. Гораздо сложнее было с другим смущением. Вопрос о женитьбе у них решён давно, однако Анюта неразрывно связывала замужество с рождением детей – в этом и загвоздка. Безусловно, Вальдемар тоже жаждал полного счастья с любимой женщиной, но природная, как бы генная – от неудачливого отца – жизненная осторожность заставляла думать о том, в какой мере он сможет обеспечить благополучие своего ребёнка. Сложная перестроечная ситуация

спутала прежние планы, защита диссертации откладывалась, научная тема, которую он предварительно наметил, теперь не злободневна, на неё не пикируют заказчики со стороны. Вальдемар даже не приступал к продумыванию статей, столь же необходимых, как и сдача кандидатских минимумов. Он вообще не умел думать так далеко, для него завтрашний день терялся в тумане неизвестности; возможно, придётся пойти по административной линии – об этом уже поговаривал Рыжак. До ребёнка ли в этой жуткой суматохе! Сначала предстояло прочно устроиться в новой жизни. Да, у власти пуговица ослабла, вот-вот отлетит, и останется власть без порток, но всё же, всё же надо дождаться этого «чудного мгновенья». И уж тогда-а...

Понимая перестроечный ажиотаж Вальдемара, Аня с её тонким женским чутьём сняла с повестки дня разговоры о замужестве. Но он чувствовал: этот вопрос витает в их отношениях и связан прежде всего с желанием родить. Похоже, её не смутил бы даже гражданский брак.

Что же делать?

На этот вопрос у Вальдемара был только один ответ: он обязан удесятерить усилия ради скорейшей победы перестройки. А ну-ка сникерсни, парень!

6

В Ленинграде он поселился в старой достопочтенной «Октябрьской», рядом с Московским вокзалом, и сразу созвонился с местными опекунами, их координатами его снабдил Рыжак. Уже через полчаса в номер постучали, и на пороге возник худощавый рыжебородый паренёк. Вальдемар даже вздрогнул: неужели тот самый? Нет конечно, это был другой человек, но невольно подумалось: их словно штампуют!

Питер он знал неважно, однако длительность пути позволила прикинуть, что его везут в спальный район, наподобие Речного вокзала. Да и квартира, куда привёл его Валерий – так звали провожатого, – чем-то напоминала рыжаковскую хату. Правда, трёхкомнатная. Но всё равно в голове невольно звякнул рязановский фильм «Ирония судьбы».

Радужно встретивший его хозяин назвался Сергеем Яснопольским, и Вальдемар сразу усёк, что это местный Рыжак. Его привели в большую комнату, где так же, как было у Дмитрия, сидели человек пять. Яснопольский обратился ко всем:

– Прошу любить и жаловать. Вальдемар Петров, наш московский коллега.

Вальдемар заметил, как взлетели густые брови у симпатичного парня, – нет, конечно, не Брежнев! – на которого упал его взгляд. Внутренне улыбнулся: его имя не впервые удивляет посторонних. И счёл нужным, разведя руками, по-свойски поёрничать:

– Вечер в хату. Извините, без букета.

После одобрительных смешков Сергей, то ли от рождения, то ли из-за неумеренного аппетита наделённый объёмными телесами, занял «президентское» кресло и ввёл Вальдемара в курс дела:

– Мы обсуждаем меры публичного противодействия оэфтэшникам. Надо опорочить их съезд, такой громкий сговор-заговор учинить, чтобы подорвать их авторитет. – Повернулся к бровастому: – Ну что, адепт социального прогресса? Продолжим? Зачитай-ка плакатные активки и кричалки. Только без пустозвонства.

Бровастый похлопотал лицом, нахмурился, изображая высшую степень умственного напряжения, достал из тоненькой папки, лежавшей на коленях, файл с листом бумаги и принялся зачитывать лозунги с таким яростным напором, будто перед ним сидели не пятеро единомышленников, а бушевала яростная толпа недругов. Вдобавок говорил он «с дроздом» – с вскриком, и всё это выглядело забавно.

– Не дадим провести антидемократический закон о выборах в местные советы!.. Эксперимент с выборами – лазейка для партаппарата! – Откашлялся. – Для комплекта упомяну

и такой вариант: «Вам куда? С активным меньшинством съезда и Ленинградским народным фронтом или с пассивным большинством и ОФТ?»

Парень с дивана скривился, словно от зубной скорби:

– Не годится, слишком длинный.

– Скажи лучше, – огрызнулся бровастый.

– Да, это не лозунг, это анкетный опросник, – согласился Яснопольский. – Первые два можно пускать в работу, делать плакаты, печатать указивки для митингёров. Но хорошо бы “ещё что-то краткое, ясное и смачное.

Подал голос один из сидевших на диване:

– Надо напрямую обратиться к пенсионерам.

– Для пенсионеров у нас есть адресная листовка. Зачитать? – поспешил бровастый.

Тот достал из папочки другой файл, откашлялся.

– Та-ак... – поддал голосу. – Уважаемые пенсионеры! Эта система лишит нас права выбора двух третей депутатов райсоветов. Это значит, что в местных советах большинство будут составлять депутаты трудящихся, тогда как народные депутаты, в избрании которых дано право участвовать вам, всегда будут в меньшинстве. ОФТ делит народ на трудящихся и нетрудящихся (пенсионеры, инвалиды, домохозяйки), на трудящихся крупных предприятий и небольших. За что они так обошлись с вами, уважаемые пенсионеры?! – Вопросительный и восклицательный знаки. – Почему вас и другие слои населения хотят ограничить в избирательных правах, как были ограничены в них мелкобуржуазные слои населения во время Гражданской войны? – Поднял глаза. – Всё. Коротко и ясно.

– Мы, стоя на своём, заявляем... – в шутку высокопарно прокомментировал кто-то. – Спящие да проснутся.

Яснопольский доминирующе поднял руку.

– Минуточку, почему «нас»? Ты сказал, что нас лишат права выбора. Кого нас? Хочешь указать пальцем на тех, кто сидит в этой комнате? Надо написать не «нас», а «вас». Но в целом недурно.

Атмосфера была непринуждённая, полная шуточных перебранок. Карбонарии раздухарились. «Азохен вей! Прижми уши, слишком много влил сегодня пива “Козел”», – шумнул кто-то и получил в ответ: «Сам ты козёл!» Бровастый кинул кому-то: «Ишь, распоясался!» и нарвался на отповедь: «У тебя самого штаны спадают». Шла долгая и разнотемная многословица с упоминанием чьих-то фамилий, ссылками на какие-то события. Вальдемар, не погружённый в питерскую текучку, не вслушивался, в памяти сохранились лишь два момента. Яснопольский сетовал, что наполнение массовки студентами для защиты прав пенсионеров – это не комильфо и на все случаи жизни нужны, как он сказал, «специальные люди». И кто-то весело воскликнул: «Нас мало, но мы в тельняшках!» А Ямпольский жёстко предупредил:

– И чтобы ни одного «алика»! Трухан, если ещё раз притащишь какого-нибудь пьянчугу, будем ставить о тебе вопрос.

Когда заседание завершилось и все разошлись, Яснопольский пригласил Вальдемара на кухню, где был накрыт добротный стол, предполагавший серьёзное чаепитие. Представил жену Антонину, и они остались вдвоём.

– Понимаешь, Вальдемар, – начал он, сразу взяв амикошонский тон, – ситуация у нас непростая. В Питере много крупных заводов, и оэфтэшники выкинули лозунг: две трети депутатов от трудовых коллективов, треть – по территориям. А выборы по общественным организациям убрать вовсе. Это значит, мы пролетаем, как фанера над Парижем, со свистом. В Москве это поняли, обкому дали команду дистанцироваться от ОФТ, и всё. Но у нас в Смольном есть свои люди, и мы договорились, что у нас будет полная свобода противодействия, а обком останется как бы не при делах. Обком с нами, но не наш, с ним ещё надо работать. А мы готовим мощный пикет. Отправили злую телеграмму Горбачёву, требуя запретить опасный

эксперимент с выборами. На местном медиаландшафте мы ориентируемся по меньшей мере неплохо. А вообще-то, если откровенно, медийку мы сумели оборотать, они на нашей стороне. Всё схвачено и проплачено. Нам из Москвы сказано: затраты не щадить, возместим. Оэфтэшников поддерживает лишь одна вшивая газетёнка, да и та на ладан дышит от безденежья. Пусть хером на балалайке играют. В агитации они против нас, как «ваньки» и лихачи на резиновом ходу, куда им с нами гоняться! – Показал пальцем на бисквитный тортик. – Ты слегка подкрепипись, я же знаю, каково командировочным. Обед мы затевать не стали, а чайку с прикусками отпробуй. Вот мёд, здесь печенье, вафли... Я о твоей миссии информирован, святое дело. И через обком партии мы договорились, что директор Дворца Ленсовета, где они съезд проводят, правдами-неправдами протиснет тебя в зал заседаний. Мы знаем, у них контроль будет строгий, по пропускам. Для тебя потайную дверцу откроют.

Молча похлебали чай с тортом. Потом Яснопольский спросил:

– Что в столице? Расскажи-поведай.

Вальдемару сказать было нечего, и он пустился в пространные рассуждения относительно быстрого вызревания завтрашнего дня демократии под знамёнами перестройки. Для фасона упомянул о регулярных сходках в Доме на набережной, слегка приукрасил и без того неблестящие теперешние доходы в его НИИ. Вспомнил о давнем визите к канадскому журналисту, который либо оказался провидцем, либо что-то знал заранее. Под конец решил огорошить Яснопольского фразой, когда-то поразившей его, запомнившейся на всю жизнь:

– Перед поездкой я в общих чертах ознакомился с данными по ОФТ. Но теперь вижу, что сегодня это наш самый опасный недруг. Что ж, не кусайте за пятки – хватайте за горло! Надо сделать всё, как говорится, возможное и невозможное, чтобы закрыть этот вопрос.

На Сталина он, разумеется, не сослался.

– Не кусайте за горло – хватайте за пятки! Это сильно! – ожидаемо восхитился Яснопольский. – Это не просто фраза, за ней стоит о-очень много, я бы сказал, целая философия. Вряд ли удержусь от того, чтобы озвучить её перед нашим активом. Но обязательно сошлюсь на тебя, плагиат я не признаю.

Вальдемар покраснел и скромно потупил глаза.

– Теперь обсудим конкретные действия. Валерий, который тебя привёз, один из наших политбойцов, он станет твоим чичероне, завтра устроит небольшую поездку по Ленинграду. А утром послезавтра привезёт к Дворцу Ленсовета на Каменноостровском проспекте. Встанешь недалеко от входа, к тебе подойдёт кто-то – не знаю кто – и проведёт в зал заседаний. Дворец старый, со сложной планировкой, там много чёрных ходов. Говорят, даже потайная винтовая лестница на сцену есть... Нет, я перепутал – винтовая в Народном доме Паниной на Лиговке, где ДК железнодорожников.

7

Сговор-заговор, обещанный Яснопольским, получился не очень. Студенческая толкучка перед Дворцом Ленсовета вышла вшивенькой, по прикидкам Вальдемара, всего-то человек сто. Но плакатов много, самый большой, надо полагать, тот самый – яркий, краткий и смачный, – гласил: «Мы – народники, мы против ОФТ!» Из редкой, можно сказать, прозрачной толпы кто-то приветственно помахал рукой. Вальдемар взгляделся: Бог мой, это же мужик, который приносил кофе в рыжиковской квартире! А он здесь зачем? Но сразу явился ответ: в Москве хотят всё знать с первых глаз, видимо, не очень-то доверяют дутым рапортам с мест.

Делегаты съезда входили в здание по одному. В дверях их встречали три дюжих мОлодца тот, что со списком, долго выискивал фамилии, требуя предъявить паспорт. Люди шли разные – и возрастом, и обличьем. Вальдемар невольно обратил внимание на средних лет женщину в броской ярко-красной блузе. Потом приглянулся рыжеволосый парень.

Между тем юнцы и юницы входили во вкус, студенческая толкучка зашевелилась, стала шумной. С протестным репертуаром этой массовки Вальдемара познакомили на летучке у Яснопольского, и он видел, что всё идёт по сценарию. Обличители ОФТ с нарастающим азартом клеймили позором тех, кто покушается на избирательные права пенсионеров и домохозяек. Вальдемар, скучавший в ожидании обещанного проводника, занялся изучением наиболее крикливых персонажей, а когда снова кинул взгляд на входные двери, непроизвольно в удивлении скривил рот. «Красная блуза» вышла из Дворца и бодрым шагом направилась в сторону центра. А дальше – больше. Рыжеволосый тоже вышел и тоже заторопился в ту сторону.

Человек действия, Вальдемар обладал природным умением в постоянном режиме оценивать происходящее вокруг него и пикировать на любые отклонения от нормального хода событий. Его быстрый ум не мог пропустить эту странность: что-то тут не то, что-то идёт не так, как положено. И мгновенно сработала интуиция: наплевав на договорённости с Яснопольским, он решительно двинулся за рыжим.

Поздно вечером, нет, уже ночью, снова под стук колёс «Красной стрелы», остыв от треволнений суматошного дня, он без стеснений, от души нахваливал себя: ай да Пинкертон! ай да Холмс!

Слежка за рыжим привела его к шикарному зданию наверняка дореволюционной постройки здесь же, на Каменноостровском проспекте. Рядом с подъездом висела небольшая табличка «Квартира-музей С. М. Кирова», а вход никто не охранял. Вальдемар ещё не успел обдумать свои дальнейшие действия, как мимо него проскочили двое мужчин, шмыгнули в подъезд. Ничего иного не оставалось, как поспешить вслед за ними, и через несколько минут он вошёл в квартиру – рядом с распахнутой дверью такая же табличка, как внизу, – а затем сквозь коридорную толчею протиснулся в большую комнату, до отказа набитую народом. Позднее, осмысливая происшедшее, он понял замысел организаторов этого полуподпольного съезда: во Дворце Ленсовета делегаты лишь регистрировались и получали мандаты, а заседание изначально наметили в музее Кирова. Выходит, массовка народников шумела впустую, не мешая оэфтэшникам. Но зато у входа в музей не было заслона – ни один чужак не знал, что здесь проходит съезд ОФТ.

Да, ни один. Кроме Вальдемара Петрова.

Стиснутый плотной человеческой массой отнюдь не с парижскими ароматами, он стоял в дальнем углу – видимо, когда-то это была просторная гостиная – и вслушивался в звучащие речи. Трибуны, конечно, не было. Ораторы вставали рядом с маленьким столом президиума – на двоих. Вальдемар с прижатыми к туловищу локтями неразборчивыми каракулями лихорадочно делал пометки в припасённом для такого случая маленьком блокнотике.

Съезд начался с того, что фрезеровщик с «Арсенала» Кашин зачитал резолюцию рабочих – почему-то рабочих другого завода, «Электросилы»: «наше положение катастрофически ухудшается, теневая экономика заедает, растёт преступность; полностью поддерживаем выборы на фабриках и заводах...» «Разве треть депутатов по месту жительства – это мало, чтобы представлять интересы пенсионеров, инвалидов? – криком кричал другой оратор. – И с какой это стати депутаты трудящихся перестали представлять интересы своих жён, матерей, отцов?» Председатель собрания добавил: «по производственным округам могут выдвигаться академики, юристы, творческая интеллигенция – пожалуйста, ради Бога!»

Потом к президиуму выскочил низенький толстячок – ну прям колобок! – с лицом, не обезображенным интеллектом, и тоже криком: «От Ленинграда на съезд народных депутатов избрали только двух, дву-ух рабочих! И попов двух. Это нормально? Неформалы народу мозги засорили-замутили...» Кто-то из ораторов кинул в зал: «А что обком партии?» В ответ – угрожающее гудение. Раздалось: «Обком – порох подмоченный, не надейтесь!» Другой возглас вызвал смех: «Шерифа не волнуют проблемы индейцев!» Оратор взял дыхание и с новой силой плеснул в зал кипятилок слов: «Что нам обещали? И что дали? Дырку от бублика, да уже съе-

денного. Ни доли, ни воли». Следующий заявил: «Газета “Ленинградский рабочий” только два – усилил приёмом предшественника, – два-а-а процента своей площади уделяет рабочему вопросу. Мы пожаловались, а обком отвечает: да, плохо, передадим газету профсоюзам. Да ведь это брежневский приём – под видом реорганизации перепрофилировать новое на старый лад. А мы уже сегодня без печати, которая представляла бы наши интересы. Осточертело!»

Страсти накалялись, народ собрался взъерошенный, отзывчивый на каждое зубастое слово, поднимавшее градус и без того жарких прений. Кто-то с историческим намёком вопрошал: «Не придётся ли ломать булыжную мостовую?» Другой яростно крыл какого-то чинушу и под конец вбил гвоздь по шляпку, пообещав прописать ему постельный режим, – это был второй случай, когда в зале раздался смех. Рядом с Вальдемаром двое мужчин тихо, на прищёпте обменивались мнениями. «Ребята разойдутся, не остановишь», – говорил один, другой отвечал: «А ты что думал? В коровнике тихо, когда коровы сыты. А у нас-то?»

В поезде Вальдемар пытался суммировать свои впечатления, но мысли двоились. С одной стороны, эти оэфтэшники его просто-напросто напугали – не только эмоциональным подъёмом, но и своей ловкостью, хитростью: надо же, как измудрились – без помех, без шума и пыли провели съезд! Как народников нахлобучили, а! Афишировали один адрес, но собрались-то по другому. Всех вокруг пальца обвели. Опасные ребята. Ишь, абреки! Да, этот вопрос необходимо закрыть, и поскорее. Хотя уже ясно, что с насока их не возьмёшь, в зачатке не задавишь. Рыжаку надо обрисовать съезд в особо мрачных красках – да так оно и есть. Пусть доложит о новой опасности куда надо. Этот медведь пока на цепи, но вот-вот сорвётся, и тогда держись, перестройка!

С другой стороны, он не мог отрицать: многое из того, что услышал на съезде, было справедливым. Но именно жажда справедливости побудила его броситься в бой с бездушной, удушашающе мерзкой партийной властью, именно стремление к справедливости вдохновляет его, руководит всеми его поступками. Концы не сходились. Ну никак. Полночи он мучился бессонницей на своей нижней полке, пытаясь примирить непримиримое.

Слов нет, этим людям сейчас несладко, их взяла за горло сосущая нужда. Они привыкли к скромному и, если начистоту, полунищему советскому – а может быть, скотскому? – бытию. Увязнув в тягучем болоте неосмысленного существования, зато гарантированной пайки, они пожертвовали возможностью познать мир, лежащий за пределами их «прогулочного дворика», отказались от приобщения к ценностям западного мира свободных мнений и волеизъявлений. И теперь, когда прежний порядок жизни на исходе, они не хотят понять, что эпоха перемен всегда сопряжена с трудностями, которые надо перетерпеть, потому что ещё немного, совсем чуть-чуть, и переход к новой, благоустроенной жизни будет завершён. Но нет, они, видите ли, потерпеть не могут! Наизнанку, не по делу вспомнился Тютчев, которого любила цитировать Аня: «Напрасный труд, нет, их не убедишь».

Уф! Кажется, он всё-таки нашёл равновесие между стремлением поскорее изничтожить этот мерзкий ОФТ и пониманием объективных причин его появления на свет. Но тут же мозг пронзила новая беспокойная мысль: «да, эпоха перемен требует жертв, потому жизненный уровень этих людей и падает; но у меня-то, у всех наших заработки резко взлетели!..»

В ту ночь, мерно покачиваясь в купе «Красной стрелы», он так и не нашёл ответов на проклятые вопросы, которые стали одолевать его.

8

Орёл женился.

Регина давно жила у Орловых, и почему они решили сыграть свадьбу именно сейчас – очень уж на дворе беспокойно, – ни Вальдемар, ни Аня не понимали. Но Костя предупредил, что намерен устроить пир горой на сто персон, и они принялись ломать головы над подарком

молодожёнам. В итоге пришли к выводу, что во времена полусухого закона лучшего презента, чем бутылка водки, не придумать. И Вальдемар встал на дежурство у дверей гастронома, занимавшего первый этаж их дома.

Со всей округи сюда стекались жаждущие. Пёстрая публика – от бомжей до опрятных пенсионеров и заузного вида очкариков – терпеливо ждала, когда привезут. В отличие от иных притягательных мест такого рода, где после привоза дело доходило до драки, где могли и пониже спины почесать, здесь, на Автозаводской, народ предпочитал самоорганизацию. Задолго до часа икс двое законопослушных граждан вставали чуть в сторонке от входа в магазин, держа маленький плакатик с волшебным словом «Сюда!» Покупатели не обращали на них внимания, но жаждущие сразу соображали, что к чему, и подходили. Им называли порядковый номер и заставляли ждать, пока подойдёт следующий. Этот следующий запоминал уже оцифрованного, получал свой номер и оставался ждать очередного следующего. О лимите номеров законопослушным гражданам сообщала продавщица винного отдела, которая заранее знала, сколько привезут, и цифру называла с учётом усушки-утряски, то есть продажи без очереди – знакомым и для левых доходов. Когда привозили, народ мигом вытягивался в тонкую цепочку и чинно, по двое, по трое нырял в гастроном. Тех, кто говорил: «Меня ждут», пропускали безропотно, зная, что они «не съедят» долю очередников. Кто получил номер, тот отоварится, всё по-честному.

Умеет всё-таки народ наш устраиваться, когда милиция не мешает.

Но самым-то притягательным при таких порядках была даже не заветная беленькая, а возможность спокойно, без толкотни, не тревожась за итоги стояния, пообщаться в часы ожидания. О! Сколько увлекательных, поучительных и наставительных историй можно было услышать от жаждущих – до утоления жажды! Сколько былей и небылиц! Народный эпос!

Отстояв четыре душевных часа в этой лучшей из очередей, отчасти напоминавшей толкучку у «Московских новостей», Вальдемар не только бутылкой водки обзавёлся, но и удовольствие получил. В душе даже посетовал на то, что ему нет нужды почаще воссоединяться с жаждущими в этой замечательной очереди.

Регистрацию в загсе Орёл назначил на субботу, позвав Вальдемара и Анюту в свидетели. По его словам, «актам гражданского состояния» он придаёт нулевое значение, Регина наряжаться в свадебные наряды не жаждет, а потому торжественные процедуры не предусмотрены. Распишемся в буквальном смысле, то есть поставим в государственных книгах свои подписи, – и айда! Дома отпразднуем.

Когда Вальдемар пересказал Анюте разговор с Костей, они вместе рассмеялись: угадали верно, бутылка «Столичной» будет очень кстати.

Жил Орлов в самом конце шоссе Энтузиастов – не на шоссе, а на одной из боковых улиц. Когда-то родители при расселении сретенских коммуналок получили здесь двухкомнатную квартиру, но сегодня осталась только мама, которая была рада появлению аккуратной, проворной и заботливой до мелочей Регины. Галина Васильевна сама предложила ей перебраться к ним, хватит скитаться по съёмным комнатам со своенравными квартирными хозяевами. Регина-то не московская, витебская. За праздничным столом быстро выяснилось: именно мама, оценив повышенное внимание к ней со стороны будущей невестки, и поторопила со свадьбой. Почему?

– Да всё просто, – как бы сама себе говорила Галина Васильевна. – Мне уже трудновато дом обихаживать, пусть Регина станет полноправной хозяйкой.

Когда сели за стол и готовились к первому, заглавному тосту, Анюта сказала Вальдемару:

– Валька, налей мне не бокал, а рюмочку.

– Рюмочку? Ты же водку не пьёшь.

– А сегодня выпью. Костя, достань-ка ещё рюмку, для меня. А мой бокал – долой со стола.

«Что за чудеса? – удивился Вальдемар. – Сегодня Анютка словно сама не своя». Наливая рюмку, приговаривал:

– Лью до краёв, смотри, не расплескай. Первый тост положено пить до капельки.

Но, конечно, налил с большим зазором, чуть больше двух третей.

Потом произнёс цветистый изошрёпанный тост, все выпили до дна, и Анюта, поставив рюмку на стол, громко потребовала:

– Горько!

Регина радостно обхватила Орла, и они смачно расцеловались.

Анюта, едва закусив, толкнула Вальдемара в бок.

– Налей снова, хочу сказать тост.

Когда приготовления были закончены, встала.

– Дорогие мои! Хочу выпить за то, чтобы вы были счастливы, чтобы любили друг друга, чтобы всё-всё у вас было путём, чтобы появились в орлином гнезде орлята.

И по-мужски, залпом опрокинула рюмку.

Орлята! Вальдемар сразу всё понял.

Пару месяцев назад Анюта защитила диплом, и он повёл её в ресторан, чтобы отметить памятную веху. Они забрались на последний этаж гостиницы «Москва», в просторный, «сталинского» стиля зал с колоннами, шикарными люстрами. Оркестр играл мягкий джаз, в основном Гершвина, было красиво, празднично и вкусно.

Готовясь к праздничному вечеру, Анюта обновила причёску. Её пышные шатеновые волосы были зачёсаны на одну сторону и свободными локонами падали на левое плечо. На губах розовая пастельная помада, большие карие глаза подведены с едва заметной восточной раскосинкой, чарующий взмах ресниц, слегка закруглённых вверх. И этот только Анютин, только её маленький чувственный излом в середине верхней губы, словно буква М, который слегка разглаживается при улыбке. В просторной бледно-голубой блузе с кружевным жабо она была хороша! Истинно русская красавица! А уж стати! Вальдемар испытывал неизъяснимую радость от общения с ней, но не только интимные чувства возбуждали его. С Анютой всегда было интересно, рядом с ней он как бы приподнимался над самим собой. С женским кокетством, но без гламура и дамской ерунды, она была по-бабьи мудрой и смотрела на вещи глубже, подчас неожиданно, а порой парадоксально. И он тянулся соответствовать.

В тот раз он «соответствовал» особенно удачно. После обсуждения планов Анютиногo трудоустройства спросил:

– Анютка, а вот скажи... Ты будешь училкой по русскому языку и литературе. А вот скажи, какой женский образ из русской классики тебе более всего по душе?

Анюта надолго задумалась. Отложила в сторону вилку и нож, откинулась на мягкую спинку стула, вперилась взглядом в большую бронзовую люстру. Через минуту повернулась к Вальдемару:

– Ты задал очень интересный вопрос, фантастически интересный. И важный для меня самой.

– А ты здесь при чём? – ляпнул он.

– Ну как тебе сказать... Понимаешь, русская литература – такая волшебная стихия, что, выбирая любимого героя, невольно примеряешь его образ на себя. Нет, не так. Не на себя примеряешь, а думаешь, на кого ты хотела бы походить, чьей судьбой жизнь прожить. И словно вживаешься в близкий тебе образ, причём даже неважно, женщина это или мужчина. Когда мы в институте проходили – извини, я по-школьному – «Анну Каренину», я была платонически влюблена в Левина, хотелось тоже заняться реальным полезным делом. – Снова задумалась. – Нет, Валька, ты задал такой глубинный вопрос, что я не готова на него ответить сразу, немедленно.

Анюта задумчиво занялась судаком по-польски, но вдруг снова отложила в сторону прибор и заговорила совсем на иную тему – о насущном.

К этому насущному часто обращался мыслями и Вальдемар – речь шла о женитьбе-замужестве: на когда назначать регистрацию брака и как её обставить. Никаких препятствий на пути к семейному счастью уже не было. Благодаря договорным работам в НИИ, осчастливившим эмэнэсов, Вальдемар стал прилично зарабатывать, а поселиться на первых порах можно было у Крыльцовых. Александр Сергеевич охотно, даже с радостью готов был принять молодожёнов в своей трёхкомнатной квартире на Песчаной. Но Вальдемар знал, что Анюту беспокоит самый главный для неё вопрос: когда рожать? А на этот счёт окончательное решение ещё не принято. В отличие от Анюты, он предпочитал не спешить с рождением первенца.

В тот вечер она и говорила об этом, как всегда, мягко, даже ласково, но убедительно. Тревоги, которые в семейном плане больше всего беспокоят Вальдемара – денежные, материальные, – они, слава Богу, отпали, теперь он хорошо зарабатывает. А он просил, отчасти даже умолял немного подождать – да-да, немного, совсем чуть-чуть, вот-вот свершится то, ради чего он так усердно активничает. Шестая статья уже отменена, партийная монополия рухнула. И пытался растолковать, что при всей его твёрдой уверенности в свержении командно-административной системы всё же не вправе исключать угрозу её реванша. А если, не дай Бог, то карающий меч разъярённых партфункционеров обрушится на головы таких, как он, Вальдемар.

– Понимаешь, Анютка, смысл жизни – это одно, а место в жизни – другое. Со смыслом абсолютно всё ясно, а с местом – подхожу к развилке: научничать или обустраивать новое демократическое завтра? Будем вместе советоваться.

Анюта слушала внимательно, почти не перебивая, а лишь не позволяя ему отвлекаться от темы. Но головой не кивала, и это означало, что «анализ» Вальдемара не ложится ей на душу, она остаётся при своём.

И вот сейчас, в орловском застолье, впервые в жизни выпив две рюмки водки, видимо, для храбрости, она снова поднимет тему о насущном. Свадьба близких друзей – не лучший ли повод вернуться к этой беспокоящей теме? Неспроста – «орлята!»

Между тем застольные разговоры свернули на бытовуху – непростое сейчас время для молодых семей. Галина Васильевна тяжело вздохнула:

– Пенсия у меня копеешная, а всё же Костику подспорье.

Вальдемар накинулся на Орла:

– Зря ты отказался от той договорухи. Платят они отменно, а главное, исправно.

– Во-первых, некогда, своих дел полно. А во-вторых, не хочется мозги требухой набивать, они у меня не резиновые. Нам вроде бы на жизнь хватает.

– Если бы Костя не копил на пи-си, всё вообще было бы распрекрасно, – поддержала Регина.

– Зачем тебе пи-си, Орёл? Поднимись к фюзеляжникам, им уже настоящий компьютер установили.

– Да он от них не вылезает, – Регина обняла Костю за плечи. – Потому и времени на договоруху нет. Бывает, он наверху, а я за него перед начальством отдуваюсь.

– Ты всё-таки скажи, зачем тебе пи-си и где ты его купишь? – напирал Вальдемар.

– Ну как зачем? Хочу за клавиатурой себя попробовать, до конца понять, что это за штука такая – интернет. В теории-то я уже разобрался, да надо пальцами пощупать.

– И где ты его купишь? – Вальдемар прикинул, что и ему надо бы обзавестись этой новомодной штуковиной.

– У Тулупова какой-то знакомый едет в Америку, обещал привезти. Там пи-си копейки стоит, а у нас – сколько попросят. Самый выгодный сегодня товар.

– Ну если Тулуп, то да! Он из практичных, парень не промах, хорошо устроился. Разменялся с родителями и теперь в институте только мелькает, ребята за него пашут. – Хохотнул. –

Я тоже. А что остаётся? Это же примета наших дней, войдёт в историю вместе с коммуналками. К нему за ключом очередь. К тому же удобно, квартира рядом с метро «Молодёжная».

– Валька, хватит скандировать! – хлопнула его по спине Аня. Ловко сменила тему: – Галина Васильевна, теперь Регина будет вам помогать по хозяйству.

– Да у нас хозяйство-то небольшое. В магазин всё равно сама буду ходить. Я дома одна-одинёшенька, скучно-грустно. Для меня магазин в охоту, в удовольствие. Рядом, все друг друга знают, можно с соседями словцом перекинуться. Сейчас с продуктами трудновато стало, очереди пошли, но для меня очередь не тревога-досада, торопиться некуда, семеро по лавкам не лежат, – взглянув на Регину, улыбнулась: – Пока!

«Сейчас Анятка своё насущное включит, самый момент», – подумал Вальдемар. Но её увлекло другое.

– А вот интересно, о чём люди сейчас в очередях говорят? Время-то сложное, неоднозначное.

Галина Васильевна пожала плечами.

– Разно говорят, да всё о том же, о жизни. Но тревога, она, конечно, ощущается, не знает народ, что завтра будет.

– Мама, а ведь нам с тобой по душам и пожурчать теперь некогда. Мне тоже интересно, о чём в очередях судачат. Жизнь быстро меняется, ну и настроение у людей меняется. В какую сторону? Куда мозги у народа поворачиваются?

Галина Васильевна задумалась.

– Костик, ну вот возьми Вальку Свентицкую из соседнего подъезда, ты её знаешь. Помню, с её родителями мы первые в этом дом вселялись, они тоже из сретенских коммуналок. Валя на пару лет старше тебя. В субботу встречаю её в магазине, спрашиваю, как жизнь. А она только рукой махнула, говорит: просчёт вышел, Галина Васильевна, прошлый год второго родила, думала, жизнь на подъём пойдёт, крику-то много было. Перестройка! А теперь одни тревоги, тяжело, словно товарняк тягаю. Из декрета пришлось раньше выйти. Защемило, говорит, меня. И очень уж с обидой жаловалась. А интонация, известное дело, выдаёт состояние души. В общем, Костик, люди считают, что раньше, до этих переворотов, будущее было лучше, чем сейчас. Понятно? Будущее сегодня хуже, чем раньше. Вдумайся...

– Ну а если в целом, если обобщить? – настаивал Костя. – Ты же у меня аналитик, всю жизнь медицинской статистикой занималась.

– Потому и знаю, что такое статистический шум, – Галина Васильевна опять задумалась. Потом покачала головой из стороны в сторону: – Нет, Костик, не могу сказать чётко, ясно. Понимаешь, ждали-то счастья, а привалило ненастье. Вот у людей и каша-малаша в головах.

– Благополучная жизнь, она не манна небесная, с неба не падает, – смягчая суровый приговор текущим дням, промямлил Вальдемар.

Регина откликнулась:

– Ты у нас оптимист! Галина Васильевна, в институте он теперь, считайте, первый человек.

– Да ладно тебе, – отмахнулся Вальдемар.

– Что ладно? Разве не так говорю? После того, как всех сагитировал на марш протеста против старпёров-академиков, ты у нас авторитет непререкаемый. Я-то знаю.

– Не против академиков, – поправил Вальдемар, – а против того, чтобы депутатами в Верховный Совет выдвигали тех, кто из поколения дожития. Сегодня двигать надо прорабов перестройки, Заславскую, Шмелёва. А поросшие мхом старцы пусть себе дремлют в НИИ, в своих директорских креслах. Это раз. А два – атмосфера на марше была вдохновенная, потрясающая. Со всей Москвы учёный люд собрался, в основном, конечно, наш брат, эмэнэсы. Но какой подъём! Сколько эмоций! Все ощущают близость перемен. Зря ты, Орёл, советов не

слушаешь. С твоей башкой ты бы сразу в перестроечные лидеры выбился, от научной среды. Перспективно...

Костя слушал, потупив голову, словно провинившийся. А когда Вальдемар иссяк, развёл руками:

– Не-ет, я, пожалуй, в сторонке постою.

– Не веришь в победу перестройки?

– Если честно, Вальдемар, я про перестройку и не думаю. Конечно, понимаю, что регулировка системы назрела, однако же эти ведические знания про общечеловеческие ценности и прочую горбачёвскую лабуду моим мозгам не в подъём. Как говорится, примите мои уверения в совершеннейшем почтении и на слёты ваших активистов не зовите, а позвольте жить по своим соображениям. В институте жуткая суматоха, во всей стране суматоха, никому дела до настоящего дела нет. Ну, я и решил это межвременье, эту межеумочность использовать... – Запнулся. – У нас это словцо пока не привилось, его ещё не знают, а в Европах-то оно в ходу. Короче говоря, хочу использовать это непонятное время в цифровых целях, разобраться в хайтеке, которым сейчас западный мир дышит. Для того пи-си и нужен.

– Костя у нас уже на третьем курсе университета ай-ти, который сам себе нарисовал, – засмеялась Регина.

– Что такое «айти»? Впервые слышу, – спросила притихшая Аня.

– Это и есть высокие технологии, – поторопился проявить осведомлённость Вальдемар. – Сфера, конечно, перспективная, но до нас эта волна не скоро докатится. Пока-а раскачаемся.

Костя вдруг насупился, по-бычьему нагнул голову, не сказал, а буркнул:

– Я и собираюсь раскачивать...

Галина Васильевна, умолкшая после Анятиных и Костиных расспросов, вдруг постучала о край бокала ножом, требуя внимания. Вальдемар понял, что сейчас она выскажется относительно чудачеств – или пророчеств? – сына. Однако речь пошла о другом.

Обратилась к Косте:

– Понимаешь, сынок, вы тут о чём-то беседовали, я не вслушивалась, всё думала и думала: какие теперь в народе настроения? Ты же знаешь, я человек общительный, люблю о том о сём с людьми побеседовать. А у нас тут все свои, друг друга много лет знают. И раньше-то лишнее словцо молвить не боялись, а уж теперь, на волне гласности, когда самый гребень... Хотя, нет, чувствую, кое о чём не договаривают, но не от страха, а страшатся беду накликасть. В перестройку народ с колен начал подыматься, да пошатнулся и боится, как бы лицом в грязь не упасть. Очень боится. Откуда-то чужие неприкаянные люди позаявились, раньше их у нас не было. А ещё – всякие осквернители, которые воду мутят. А ещё... Ну, далее многоточие. В общем, вот что я тебе скажу, сынок. Ты верно говоришь, мне по работе приходилось много аналитикой заниматься...

– Мам, не тяни, говори, что надумала.

Галина Васильевна нахмурила брови, отчётливо, выделяя каждое слово, сказала:

– Плохо я надумала, сынок, очень плохо. В большом расстройстве люди, в смятении, за что ни возьмись, всё не так. Проблем житейских – ворох, вдруг объявилось их несметно. Именно что вдруг! Никто не понимает, откуда эта напасть, отсюда и потоп неверия. – Тяжело вздохнула. – В общем, такое сейчас настроение, что почти все согласны на почти всё.

Через субботу они поехали в Кратово.

Сергей Никанорович сидел в мягком кресле в тени высокой ветвистой берёзы, украшавшей участок. Классический, в красно-чёрную клетку плед Зоя уложила на кресло так заботливо и хитроумно, что при необходимости, если ветерок, можно легко запахнуть его, словно полы пальто. Дед похудел: сильно выдались скулы, при впалых щеках нос казался мясистым. Худеть Никанорыч начал после восьмидесяти пяти, постепенно, от старости. Осматривая себя

в ростовом зеркале в прихожей, каждый раз со смешком говорил: «Пожалуй, ещё на годик жировых запасов хватит».

Анюте он очень обрадовался. Охотно подставил щёки для поцелуя, взлохматил остатки волос – не такие уж и скудные остатки, какая-никакая шевелюра сохранилась, поседел, да не полысел. Сказал с обычным своим смешком:

– Вот сижу. Жду.

– Нас ждёшь, дедуля?

– Нет, Анюта, не вас, – показал пальцем на небо. – Жду, когда меня там на довольствие поставят.

Анюта снова его расцеловала.

– Дедуля, и думать не думай, не огорчайся, ты нас ещё до-олго будешь радовать.

– А я вовсе и не огорчаюсь, – дотронулся до головы, – слава Богу, крыша ещё не течёт.

Ты Голсуорси, «Сага о Форсайтах», читала?

– Слышала краем уха, – замотала головой Анюта, глянув на Вальдемара, который молчал. – Это о чём? Я, дедуля, учитель русского языка и литературы, но Голсуорси в программах теперь нет, упряднили.

– Ну, сага она и есть сага, о жизни, о судьбах. Я, конечно, сюжетов не помню, даже имена персонажей позабыл, читал-то полвека назад. А вот что в память врезалось, так это последний час главного героя. Осенью поздней, тепло укутанный, он сидел в кресле в своём саду. Пошёл первый снежок, и постепенно снежинки на его лице перестали таять. Завидно! Вот так бы! Тихо, спокойно... – Вспомнил рассказ бывшего владельца этого дома, 94-летнего старичка, который на старости лет ударился в запой. – На востоке старики уходят умирать в степь, сядут на камушек, и потихоньку сознание угасает. А я, как в «Саге о Форсайтах», в саду, в кресле.

На пороге дома появилась Зоя.

– Приехали! А я стол уже давно накрыла, вас с дороги потчевать. – Увидев в руках Вальдемара полиэтиленовую сумку, верно угадав её содержимое и указав на неё пальцем, успокоила: – А эту провизию я в холодильник... Сергей Никанорович, подымайтесь.

– Вставайте, князь, на славные дела! – патетически произнёс Никанорыч и, кряхтя, начал выбираться из кресла. Жестом отстранил Анюту, бросившуюся помогать. – Нет, нет, я сам, слава Богу, пока ноги держат.

За столом он сел на своё председательское место и, не торопясь трапезничать, принялся за стариковские расспросы:

– Ну, молодёжь, как поживаете? Перестраиваетесь? Вам в самый раз, вы в дороге. А я у пристани, у меня, воленс-неволенс, моционны да рационы, – кивнул в сторону Зои, – мне перестраиваться поздно. Меня по возрасту с людских глаз уже убрали, в запас уволили, – лукаво, даже хитро улыбнулся. – Правда, понимающие люди знают: в музеях самое интересное хранится в запасниках. А если уж про перестройку... Ваш приятель, запомнил, как зовут, тонко подметил, что для понимания истинных намерений человека важно прислушаться не к тому, что он утверждает, а к тому, что он отрицает. Чаще всего через отрицание суть и вылезает. Знаете, как бывает: речи покаянные, да люди окаянные. Ну и с перестройкой так же. Вот и прикидывайте.

Анюта рассказала, что уже принялась за поиски работы – хотелось бы устроиться в школу поближе к дому. А Вальдемар, когда до него дошла очередь, не зная, о чём говорить, вспомнил давнее.

– Сергей Никанорович, а я не забыл наш с вами диспут о словах Сталина: не кусайте за пятки – хватайте за горло. Сейчас так всё поворачивается, что обновленческие силы схватили за горло командно-административную систему, и она вот-вот дух испустит.

– Насчёт обновленческих сил я не в курсе. Страшные истории на ночь про перестройку, дорогое моё племя незнакомое, слушать мне ни к чему, пока я не понял, о чём шумят-гудят в

государстве. Поворот или переворот? Но, кстати, об одной перемене скажу. – Насупил брови, стал очень серьёзным. – Раньше наши вожди на торжественных встречах взасос целовались, а теперь лишь щеками трутся. Прогресс! – и, прервав хихиканье Анюты, сменил тон: – А то, что вы на Сталина сослались, это достохвально. Но, сколько помню, Сталин не так говорил.

– Как не так? «Не кусайте за пятки – хватайте за горло». Однажды эту цитату я даже пустил в ход.

– Нет, Вальдемар, Сталин сказал иначе: «Не кусайте за пятки – берите за горло». Берите!

– Да какая разница, Сергей Никанорович! Берите, хватайте – одно и то же, синонимы!

– Нет, Вальдемар, они синонимы только в толковых словарях. «Хватайте» – оно похоже, но похуже, пожиже, в жизни между ними разница преогромная. «Хватайте» и «берите» – они из разных миров. «Хватайте за горло» – это клич бандитской подворотни, рукоприкладный, требующий души в драке или в разбое. Низовой, хулиганский и вполне конкретный клич – кстати, он никак не согласуется с указанием не кусать за пятки, потому что это выражение заведомо иносказательное. Так и у Сталина «берите за горло» было иносказательным. Когда он это говорил, имел в виду, что контролёры должны не просто полоть свою грядку, а доискиваться до рассадника сорняков. Но Сталин с таким ударением произнёс эту фразу, что до самой смерти помнить буду. Сразу стало понятно: она не только нас касается, это как бы философия власти, политический принцип. Хорош он или плох, наверное, в разные эпохи его оценивают по-разному. Я-то имею в виду, что Сталин ставил вопрос по-государственному. А вы, Вальдемар, своим «хватайте» опустили этот смысл до уровня примитивного мордобоя. Ну, извините, ради Бога, что я вам целую лекцию прочитал, но это моя молодость, мои личные воспоминания, – взялся за мочку уха, потом коснулся пальцами лба. – Вот этими ушами слушал, вот этой головой воспринимал.

Вальдемар был смущён, сильно. Раньше он просто не задумывался о различиях между «хватайте» и «берите». Тиранический образ душегуба Сталина ассоциировался в его сознании именно с «хватайте». Но за словом «берите», как он понял только сейчас, действительно вставало нечто государственное. Сталин не переставал быть для него исчадием всех зол, которого ненавидели потомки репрессантов. Однако... Пожалуй, да, через эту мощную фразу: «Не кусайте за пятки – берите за горло» и впрямь проглядывает гениальность.

Но пока он раздумывал над ответом, Сергей Никанорович заговорил снова:

– А знаете, Вальдемар, возможно, вы правы. Мне кажется, что к перестройке действительно больше подходит слово «хватайте». Как-то очень уж разбойно всё идёт, крушат налево и направо, с историей русской расправляются, как повар с картошкой. Словно собака на проволоке, бегают по прошлому туда-сюда, кроме тридцать седьмого года ничего замечать не хотят. Не вижу я глубоких государственных замыслов, взгляда в перспективу. Сплошь: «Давай! Давай!» Очень уж в теперешней демократии многовато дерзаний по части благ объявилось. А коли воробьи громко чирикают, это к дождю.

– Ну, Валька, заработал на орехи! – засмеялась Анюта. – Очень толково дедуля тебе всё разъяснил.

– То, что я услышал, необходимо обдумать, – задумчиво ответил Вальдемар. – Спасибо, Сергей Никанорович за науку, аргументов для возражений у меня сейчас нет, а вот поразмыслить будет о чём. И знаете, как-то очень кстати у нас с вами этот разговор. Мне скоро предстоит лететь в Свердловск, на одно очень важное мероприятие, там обмен мнениями предстоит серьёзный. Я снова фразу Сталина в ход пушу, но уже с вашей поправкой...

– В Свердловск?! – импульсивно воскликнула Зоя. – Вальдемар, я вас умоляю, свяжитесь с Колей, вы ведь его должны помнить, несколько лет назад Новый год за этим столом встречали, и он был здесь. Я вам адрес Колин дам, телефон сейчас напишу.

– Обязательно свяжусь, – пообещал Вальдемар. – Что-то нужно передать?

Зоя растерялась.

– Передать?.. Что я ему могу передать, кроме приветствия материнского? Недавно ему звонила, с днём рождения поздравляла... – Чуть задумалась, но быстро нашлась. – А знаете, Вальдемар, всё равно вам с ним встретиться интересно. Он же там в самой буче перестроечной, всё знает, понимает, что к чему. Такое вам нарасскажет, о чём в газетах не пишут. Кричит, у нас тут негодяриум, а что это значит, я не знаю... Вы кушайте, кушайте, а я побегу напишу Колины координаты.

После обеда они отправились побродить по улочкам Кратова. Под натиском многоэтажек, вражеской блокадой окруживших старый, нет, даже старинный дачный посёлок, он постепенно, как шагреновая кожа, убывал. Однако скукоженная зона отдыха, ещё не тронутая городским нашествием, всё же продолжала сохранять первозданное дачное очарование – с заборами из штакетника, позволявшими увидеть ухоженные цветнички и узорчатые летние беседки, увитые то ли плющом, то ли беспородным вьюном. Впрочем, уже появились и глухие двухметровые заборы, укрывавшие от постороннего взгляда творческие изыски дачников-удачников.

Они неторопливо гуляли в этом пленительном царстве безмятежного покоя, и Вальдемар с присказкой «ты иди, я догоню» время от времени останавливался, якобы разглядеть что-то за очередным штакетником, а на самом деле чтобы со стороны полюбоваться её восхитительно стройной фигурой. Но в этой временной беспечности, в наслаждении беззаботным отдыхом каждый из них особенно остро ощущал недоговорённость, возникшую между ними в последнее время.

Не во всём они воспринимали окружающий мир одинаково: в отличие от радужных восторгов Вальдемара, Аня была более сдержанна. Но об этих расхождениях говорили свободно и спокойно, без нажима, пытаясь переубедить несогласную сторону, чаще всего безуспешно. Различия в оценках происходящего не омрачали взаимных чувств, основанных не только на интимном притяжении, но и на безграничной вере в порядочность друг друга. Недоговорённости возникали по иному поводу, и они отлично знали, что именно беспокоит каждого из них в глубине души.

Ленивый прогулочный шаг не соответствовал настроению Вальдемара. Он понимал, что Аня сейчас переживает о том же, что и он, однако её врождённое чувство такта и гордости не позволит ей начать разговор первой, и после поездки в Кратово тяжесть на душе нарастёт. Она стойко не коснулась большого вопроса на свадьбе Орла и теперь ждёт, отчаянно ждёт, когда начнёт Вальдемар. Эта неспешная прогулка по пустынным дачным улочкам располагает именно к тому разговору, который для неё жизненно важен и которого боится его трусливый рассудок. Нет, увильвать уже нельзя! Она доверяет ему, и он не имеет права обмануть её ожидания. Он, именно он обязан начать.

Но как?

Он обнял её за талию, прижался щекой к щеке.

– Аня, я же не двоечник с задней парты, знаю, о чём ты думаешь, – о том же, что и я. Сколько лет мы с тобой вместе?.. Познакомились, когда ты была первокурсницей, а теперь – дипломированный педагог. Когда училась на третьем курсе, мы положили меж собой клятву верности. И теперь настало время решений, вернее сказать, не решений, а решения единственного вопроса, который висит в воздухе. Ты знаешь, о чём я говорю.

Аня шла молча, глядя себе под ноги, не отстраняясь, но и никак не реагируя на его слова, которые, казалось бы, должны отозваться проявлением эмоций. И по её напряжённому молчанию Вальдемар понял, что она ждёт от него прямого честного ответа на главный вопрос.

Прямого, честного!

И он пошёл на глубину. Заговорил горячо, сбивчиво, но предельно искренне.

Он исповедовался. Впервые в жизни.

– Анята, дорогая, я хочу объяснить тебе, почему торможу с ребёнком. В моих генах сидит горький опыт родителей. Отца всю жизнь угнетала униженность бедностью, он испытывал душевные муки, оттого что не мог по-настоящему обеспечить семью. Бытовое иго заело. Из-за этого мама сделала три аборта, они не могли позволить себе иметь двух детей. Отец не пьяница, не мот и не гуляка, он рвался изо всех сил, но ему раз за разом не везло – так сложилась судьба, стечение обстоятельств, наконец, злой рок. Я вылез только за счёт... – запнулся, – да, эта власть какая-никакая, а всё же дала мне возможность получить высшее. Кстати, я всю жизнь буду добрым словом поминать Александра Сергеевича, он сумел создать на кафедре такую атмосферу, что я... Я с пятого класса школы, когда начал осознавать себя, всегда считался парией – одет беднее всех, курить не начал только потому, что не было лишней копейки на сигареты. Боже мой, как я завидовал пацанам, которые соревновались, кто круче пустит дым через ноздри или кольцами. Анята! Ты же меня знаешь, я не мог позволить себе «стрелять»! Я и в институте не курил, стипендию почти полностью отдавал маме, только раз в месяц на выпивку скидывался. – Анята тоже обняла его за талию, прижала к себе. – Закурил, когда начал получать зарплату. А в МАИ ребята были фасонистые, не говорю о москвичах, даже иногородних содержали родители, потому что понимали, какая золотая профессия у детей. А твой отец, видимо, всё видел, всё понимал. Потому и нахваливал меня чаще, чем я заслуживал, я же это чувствовал.

Вальдемар глубоко вздохнул, готовясь перейти к главному, но Анята воспользовалась паузой:

– Валька, родной, ты даже не представляешь, как я тебя понимаю! Но ведь ты сам говоришь, что завтра-послезавтра всё наладится. Да уже и сегодня ты получаешь очень прилично.

Он остановился, посмотрел ей в глаза. Она затронула именно то главное, о чём он намеревался говорить, как всегда, она глядела в суть дела – невольно поймал себя на этой смешной рифме.

Заговорил снова, но теперь не горячо, не сбивчиво, как бы раздумывая над каждым словом.

– Знаешь, как бывает. Сегодня Сергей Никанорович очень чётко обозначил различия между «хватайте за горло» и «берите за горло». Неважно, Сталин или не Сталин это сказал. Но я слушал, и вдруг мне очень-очень ясно открылось то, что смущает меня в последние месяцы. Я никак не мог понять происхождение этой смутной непонятной тревоги. А вот Сергей Никанорович сказал, и меня словно током ударило. – Снова зажёгся, воскликнул горячо, с болью: – Анята, среди тех, с кем я сражаюсь за свободный, демократический завтрашний день, слишком много таких, которые именно что хватают за горло – как в подворотне! Отпетые циники! Зложелательные. Есть такие, что зарядить в челюсть хочется. У них мысль одна: скинуть партийно-советскую власть, чтобы побольше урвать лично для себя. Некоторые уже сейчас создают... не знаю, как сказать... своего рода теневые органы местной власти, в которых готовят лакомые должности. Да, да! Мне, например, предлагали уже сегодня вплотную заняться изучением ситуации в жилищной сфере, чтобы потом возглавить службу распределения квартир. Я же для них свой, потому они и не скрывают: обогатиться!

Она отстранилась, испуганно посмотрела на него.

– Да, Анята, да! Но я же не для того живу с жаром, сражаюсь против командно-административной системы, чтобы хапануть должность распределителя квартир и обогатиться, они ещё не знают, как её назвать, ещё не думают об этом, для них главное – прийти во власть. А там – гуляй, Вася! Телёнок ещё не родился, а они уже с обухом к нему подступаются. – Сбавил тон. – Я понимаю, далеко не все демократы, не все прорабы перестройки такие хапуги. Но в том дело, Анята, что я не хочу, понимаешь, не хочу и не желаю участвовать в их карьерной толчее, в том великом хапке, какой они планируют после падения нынешней власти. Бьются за демократию, а всё у них – два пишем, три в уме. Душеразвратно! Душевредительно! Не мой

случай, я с ними не в ногу, не могу их ни понять, ни принять, они мне не только чужие, но и чуждые, я воюю во имя демократии, а они от её имени хотят хапануть... Кстати, падение власти уже неизбежно. Пока неясно, в какой форме это произойдёт, только и всего... Теперь всё тебе понятно, Анюта? У меня нет сладких грёз, нет уверенности в завтрашнем дне, и я обязан дожидаться поворота в судьбе. Злой рок – это моё семейное, не думать об этом не вправе. Вроде бы всё распрекрасно, лучше некуда, а я панически боюсь, что жизнь выставит астрономический счёт. – С болью воскликнул: – Это самое страшное, самое мучительное: быть во власти обстоятельств! Как бы в разнос всё не пошло да пошло не сделалось. Живу словно на вокзале: тот ли поезд подадут, не под откос ли готовят? Какая участь меня ждёт – чёрный день или светлое будущее? Столько жутких вопросов теснятся в голове! Пока прояснилось лишь одно: из института уйду, с научной карьерой пока покончено. А там видно будет, надо дожидаться завтра.

Она молчала. Но он вдруг увидел, как из её глаз выкатились большие, ему показалось, огромные слёзы.

Это было выше его сил.

Он крепко обхватил её, принялся осыпать поцелуями лицо, чувствуя на губах солоноватый привкус слёз. Вспышка эмоций ударила так сильно, ярко, что он, тоже почти на слезах, чуть ли не зашёлся в крике:

– Анютка! Анютка! Не плачь, не рви моё сердце! Я возьму за горло самого себя, я пойду с ними до конца. Пусть самострел! Но я сделаю всё, чтобы обеспечить благополучие семьи. Всё! Сейчас я окончательно, бесповоротно решил! – На миг умолк. Мелькнула мысль: «Раскаяние и покаяние в одном флаконе!» И громко, горячо воскликнул, вложив в возглас всю гамму переживаний и пониманий, терзавших его, всю умодробительную боль, адресуя этот крик души самому себе: – В огне брода нет! Немедля, на следующей же неделе распишемся. Просто, без ширлихов-манирлихов, Орла с Региной позовём в свидетели – как они нас. А отметим где-нибудь в ресторане. В «Москве»! Рожай, Анютка, рожай. – Сбросил эмоциональный надрыв, с улыбкой добавил: – Предпочтительно сына... Слово короля! Рожай.

Анюта остановилась как вкопанная и посмотрела ему в глаза. Посмотрела так, как никогда прежде. Это был странный взгляд, от него Вальдемар внутренне даже поёжился. Молча взяла его руку в свою. Немного помедлив, твёрдо сказала:

– Вальдемар, я не позволю тебе поступаться принципами.

Он знал, что так называлась громкая скандальная статья Нины Андреевой, вокруг которой кипели страсти и которую демократы, в их числе он сам, считали антиперестроечным манифестом. Разумеется, Анюта вкладывала в эти слова смысл, далёкий от политических соображений, и ему показалось, что её непререкаемый тон, это официальное «Вальдемар» на самом деле были обращены не к нему, а к ней самой. Она тоже не вправе поступаться своими принципами. Но какими?

Они смотрели в глаза друг другу, словно играя в моргалки – кто первым моргнёт. Шестым, десятым чувством Вальдемар ощущал, что в этот момент решаются их судьбы, однако рассудком не понимал этого. Его поражало лишь то, что слишком строга, слишком непривычна была она в те мгновения. Кремень-камень.

Анюта моргнула первой. Она как бы обмякла, с её лица сошло напряжённое выражение, почти гримаса, выдававшая вулкан душевных эмоций. Она даже слегка, сквозь слёзы, вымученно улыбнулась, взяла Вальдемара под руку, прижалась к нему, трогательно, с придыханием сказала:

– Валька, родной, я тебя очень, очень хорошо понимаю. Но такой жертвы принять не могу. После такой жертвы ты уже не будешь самим собой, а мне ты нужен такой, какой есть.

Москва задавала тон.

Арбат стал бурлящей с утра до ночи коммерческо-творческой вольницей. По рыночным ценам или за подаяние здесь рисовали, пели, плясали, играли джаз и состязались в скорости рифмования. Арбат захлестнула волна хлётко-желчного политического стиха, сбитого наскоро, поэтически беспомощного, частушечно-грубоватого, однако кинжального и даже сокрушительного в оценке мчащихся галопом событий и главенствующих в стране персон.

Пряное арбатское волеизъявление удачно вписывалось в общую предвыборную лихорадку – вокруг диковинных для новых поколений соревновательных выборов народных депутатов вьюгой закружилась митинговая стихия, сбивая с толку здравые умы, сокрушая бешеным словопадом дряблые мозги разинь.

Улица взъярилась. Пёстрая, броская популистская демократия своей бесшабашностью, невиданной обличительной смелостью бросала в дрожь. Толпы, ошалевшие от вседозволенности, с восторгом воздвигали пьедесталы для неведомых ещё вчера кумиров, которые без мандата доверия, на личной харизме, спекулируя сомнительными фактами из своих биографий, взялись говорить от имени народа. Словно розгами, подстёгнутая газетными аншлагами, Улица вздыбилась протестами, беспрепятственно разбушевалась и стала влиятельной силой, не только оказывая влияние на ход перестройки, но и подсказывая вектор её движения, дирижируя расстановкой политических сил в Кремле, требуя дворцовой перетряски.

В этих случайных, легковозбудимых, а подчас экзальтированных людских множествах причудливо перемешались искренние и честные порывы, растерянность далёких от политики обывателей и озлобление, нетерпение тех, кто жаждал скорых перемен, политический карьеризм и тайные умыслы. Такими толпами было легко манипулировать. Огромный, нездоровый процент неуживчивых неудачников, неугомонных всевозрастных искателей приключений и мятущихся юнцов, а особенно неприкаянных душ из подполья больших городов превращал уличную толкучку в сборище зевак, безуспешно пытавшихся выудить правду из этой псевдополитической жижи. Они с поразительной доверчивостью внимали крикливым бездумно-безумным призывам разномастных гапонов и азефов, вольготно проповедовавших Улице. Легковерная, горлопанистая, она была охоча до сенсаций, не умея отличить их от провокаций и принимая безответственность новоявленных кумиров за гражданскую смелость.

Улица превратилась в курок политического ружья, который вот-вот взведут, сняв с предохранителя, и кто держит на нём палец, на кого нацелено это ружьё, можно было только догадываться.

Ещё сильнее баламутили умы лужниковские митинги, возвеличенные прессой. На них собиралась публика посolidнее: жрецы свободных профессий, эмэнэсы из бесчисленных московских НИИ. Но и здесь бросалось в глаза непривычное обилие колоритных бомжей в истоптанных башмаках и причудливых одеяниях, «вольных граждан», бродяче не обременявших себя бытовыми заботами. Со всей страны на перекладных потянулись в столицу нестандартные личности сложных психотипов, влекомые прямой атмосферой стихийных сборищ. Забавно смотрелись рядом с этой неопрятной братией беспечные парочки в обнимку – любопытствующие с запахом сытости, создающие эффект стадности, даже не пытавшиеся вникнуть в речи трибунных ораторов. Здесь же кишмя кишели мелкие дельцы, делавшие свой грошовый бизнес на демократии, продавая листки самиздатовской хроники по рублю за трояк. Под чёрным знаменем кучковались анархо-синдикалисты и прочие любители безначалия, кололи глаза множеством мелких плакатиков демосоциалисты. Невнятного вида личности вели вялый сбор подписей под какими-то обращениями, а заодно и пожертвований неизвестно на какие цели.

Митинговый прибой волнами бился об ограду лужниковского Дворца спорта, а навстречу, поверх этого политического китча и ярмарочного шума, летели металлические, мегафонные голоса ещё вчера неизвестных философов и докторов наук, премудрых и всеблагих ораторов, лишь сегодня утром вынырнувших из безвестности. Щедро делясь воспоминаниями о своём лагерном или тюремном прошлом – злочинный режим, проклятые коммунисты! – эти шукари оголтело, с боевой риторикой взывали к народу от имени народа, стремясь всучить ему политическую «куклу» в обманной перестроечной обёртке, будоража простаков, попавшихся на голый крючок. Начальники государства намеренно отпустили гайку, чтобы из канализации брызнула вонючая жижа.

Москва, где буйствовала Улица, заправляя перестроечной шумихой, задавала тон. А где-то во глубине России – именно России, не Союза – за этой разудалой вольницей внимательно наблюдала Фабрика – заводской люд. Этим людям было не до митингов, затруднённые обстоятельства жизни приковали их к рабочим местам, вынуждая тяжкими трудами, нередко в полторы смены, с «чёрными» субботами, добывать хлеб насущный. Фабрика, выйдя из проходной завода, после смены спешила, торопилась – кто домой, к семье, кто по магазинным очередям, кто по пивным ларькам. Московская Улица буйно самовыражалась, а Фабрика безмолвствовала, с почтением внимая краснобаям Улицы и запоминая имена её пророков, которых каждодневно могучим хором возвеличивали пресса и телевидение. В угаре тех дней Фабрика растерялась, не могла понять, что эта пышная пена перестройки скрывает от её глаз страшный омут, куда её затягивают.

А когда настал день выборов, Фабрика охотно и с превеликими надеждами отдала свой голос лидерам Улицы.

Потом были прямые трансляции с первого Съезда народных депутатов, подробные телеотчёты с заседаний нового Верховного Совета. И эти прилюдные, на глазах народа слушания произвели эффект оглушительный: Фабрика увидела, кто есть кто, мгновенно поняв, как жестоко её обманули.

И шахтёры вышли из забоев – на первые рабочие митинги. Застучали каски на Горбатом мосту около Белого дома.

Но окончательное избавление от морока перестройки случилось тогда, когда Фабрика увидела, сколь отчаянно кумиры Улицы дрались за интересы кооператоров и как без дебатов, словно гладкое льняное семя, проскользнул сквозь депутатское сито закон «О налогообложении фонда оплаты труда госпредприятий», с обидой названный в народе «замораживанием зарплат». Наделённые властью наплевали на обделённых властью.

Тут Фабрика и хватилась: среди народных депутатов почти не было рабочего люда. От Москвы только один – оди-ин! – рабочий! Жестокий урок был усвоен, и Объединённый фронт трудящихся выбросил лозунг о выборах в местные советы по производственным округам – две трети депутатов от заводов и колхозов-совхозов. Прозевав звонок будильника, Фабрика принялась бить в колокола.

Вальдемару казалось, что он в полной мере осознал опасность этого лозунга для дела демократии, когда тайно пробрался на съезд ОФТ в музейной квартире Кирова. Однако теперь выяснилось, что он всё-таки недооценил угрозу.

В один из дней Рыжак, лишь изредка мелькавший в институтских пенатах, но с которым они были на созвоне, заговорщицки сказал:

– Я договорился, тебе выпишут пропуск в Кремль, на Съезд народных депутатов. Завтра в два часа жду у Кутафьей башни, через Троицкий мост пойдём на вечернее заседание. – Весело подмигнул: – Пристроимся в последнем ряду балкона, для гостей – самые престижные места. Сверху видно всё.

В редком для него официальном «прикиде» – тёмно-серый пиджак, белая рубашка, однотонный коричневый галстук – Вальдемар встал на свой наблюдательный пост у Кутафьей

башни задолго до назначенного часа. Он впервые, пусть и в гостевом статусе, так приблизился к святыням верховной власти, и это рождало в нём чувство гордости. Он не хотел ничего упустить, он надеялся на новые впечатления и не ошибся.

На Съезде объявили обеденный перерыв, и некоторые депутаты выходили из Кремля – очевидно, для того чтобы заняться какими-то срочными делами. Вальдемар вглядывался в их лица, на которых, по его мнению, лежала печать глубокой государственной озабоченности, и среди незнакомых лиц разглядел знаменитого артиста Михаила Ульянова. Эта причастность – пусть косвенная – к сонму великих ещё более взбодрила его чувства. А когда они с Рыжаком подошли ко входу во Дворец съездов, где во время перерыва клубилась курящая депутатская публика, он и вовсе оторопел от неожиданности. В толпе народных избранников с микрофоном в руках снова знаменитая телеведущая программы «Пятое колесо» Бэлла Куркова, чьи острые репортажи он смотрел с особым интересом. Сновала и совала микрофон под нос то одному, то другому депутату, громко требуя: «Как вы относитесь к непотребному рыку генерала Лебедева? Почему молчите? А-а, согласны с нападками на архитектора перестройки Яковлева?» Вальдемар впервые видел, как на самом деле готовят громкие телевизионные сюжеты.

Потом они долго ходили из конца в конец большого вестибюля Дворца съездов. Рыжак разобъяснял ему текущую политическую ситуацию, и Вальдемар понял, почему Дмитрий выбрал для этого разговора именно кулуары съезда народных депутатов. Здесь царили приподнятые настроения, Вальдемар как бы приобщался к высшим перестроечным соображениям и должен был проникнуться особой важностью нового поручения.

– Вальдемар, теперь о главном, – начал Рыжак, когда они обменялись мнениями по части наблюдений и впечатлений. – Ты ездил в Питер на съезд ОФТ и в курсе. Но ребята оказались шустрее, чем мы предполагали. Их ленинградская сходка была прелюдией, настоящий учредительный съезд – обрати внимание, всероссийский! – они наметили в Свердловске, уже разослали приглашения в тридцать городов, готовят мощную политическую акцию по поводу выборов по производственным округам. Допустить этого нельзя! Мы обязаны предупредить! – Несколько шагов молчал. – Мне неловко себя нахваливать, но я приложил руку к тому, чтобы заблаговременно подготовиться к их демаршу. Внёс предложение, чтобы за организацию съезда ОФТ взялся народный депутат, свердловский рабочий Шмотьев. Это моя идея. Оказалось, очень прозорливая, я словно в воду глядел. Кстати, он где-то здесь, могу с ним познакомиться, да не знаю, нужно ли. – Снова помолчал. – Шмотьев от имени ОФТ обратился в свердловский Облсовпроф с просьбой заказать и оплатить автобусы для оэфтэшных делегатов, забронировать для них номера в гостинице «Свердловск», а через обком партии договорился об аренде Дворца молодёжи, где они хотят проводить заседания. – В очередной раз умолк. – Но Шмотьев – наш человек, – тут же с ударением поправил самого себя, – он стал нашим человеком, мы его отредактировали. Не буду вдаваться в детали, скажу лишь о том, что в Свердловске предстоят крупные события. Повторю: мы обязаны не допустить проведения съезда ОФТ! И в качестве превентивной меры уже назначили заседание Межрегиональной депутатской группы. Именно на дату их съезда. И тоже в Свердловске!

В душе Вальдемара прыгнул зайчик: Рыжак доверил ему гостайну! Да, да, ловкое – возможно, через подкуп – «редактирование» народного депутата из рабочих, ставшего своим для межрегионалов и готового провокационно внедриться в оргкомитет рабочего съезда, – разве сведения о таком мутанте не государственная тайна? Уж он-то знал, что такое «секретно» и «совсекретно», подписку не давал, допуска у него не было, но на спецкафедре в МАИ прослушал лекцию по этому поводу... А подоплёка путешествия Межрегиональной депутатской группы в Свердловск – это и вовсе политические сведения особой важности. Дело приобрело очень серьёзный оборот. Видимо, сейчас Дмитрий раскроет дальнейшие замыслы по торпедированию оэфтэшного сборища. Однако Рыжак закруглился так же внезапно, как начал деловую часть разговора:

– В общем, Вальдемар, ситуация такая. Послезавтра мы с тобой вылетаем в Свердловск. Надвигаются остросюжетные события, и надо быть на месте, чтобы оседлать их. За билеты и гостиницу я заплачу. Не заплачу. А тебе на жратву подкину.

Когда прилетели в Свердловск, там уже буйствовал признанный лидер и идеолог здешних депутатов-демократов Бурбулис. Едва устроились в какую-то заштатную, занюханную гостиничку на Завокзальной улице, Рыжак поймал такси и помчался на встречу с ним. По всему видно, деньги у Дмитрия были, он и командировочными снабдил Вальдемара раза в три щедрее, чем получилось бы через бухгалтерию.

Вечером, потирая руки, рассказывал:

– Бурбулис завтра идёт в обком партии с требованием запретить съезд ОФТ. Он всех там знает, десять лет был завкафедрой общественных наук, создал политический клуб «Дискуссионная трибуна», его обком опекал. А сейчас-то Бурбулис – народный депутат СССР! Думаю, к нему прислушаются. – Как обычно, сделал паузу, и Вальдемар знал, что сейчас Рыжак перескочит на другую мысль. – Но на всякий случай... Как говорится, семечки-то лузгай, да за щекой грецкий орех держи. О том, что мы заготовили на всякий случай, узнаешь завтра. И надеюсь, завтра же мы переедем из этой дыры в гостиницу «Свердловск».

Утром за ними приехал на подержанной «копейке» тщедушный и супервежливый паренёк, назвавшийся полуженским именем Юлий, местный перестроечный активист. Он повёз их в гостиницу «Свердловск», по дороге рассказал, что сегодня ему предстоит встречать народных депутатов из Москвы и Ленинграда, да, конечно, за ними пришлют «Волги», но гостей надлежит принять у трапа, сопроводить к машинам. Долго думали, какие «Волги» присылать – чёрные или белые? Чёрные, они у обкома, а белые – у облсовета, это традиция. Решили всё-таки белые, обком не хочет светиться... А Андрей Дмитриевич Сахаров прилетает завтра, его встречать будут по полной программе, в аэропорт и Геннадий Эдуардович прибудет.

В «Свердловске» они наскоро позавтракали, и Юлий, дежуривший у входа, отвёз Вальдемара во Дворец молодёжи, который надо было подготовить к заседанию Межрегиональной депутатской группы – оборудовать и оснастить телефонами штабное помещение, договориться о своевременной, по графику, доставке питания в буфеты, разумеется, с первосортным меню. Но, как всегда бывает, на месте выяснилось, что решать придётся целую кучу мелких проблем, вплоть до замены в большой штабной комнате части старых стульев и кресел.

В помощь ему придали Василия Никитича Культякова. Среднего роста, с залысиной, очень тучный, он для своих примерно пятидесяти был на удивление подвижен и не отставал от Вальдемара в беге по лестничным маршам. Впрочем, понять, кто кому помогал, было непросто. Никитич – он сам попросил величать его не по имени-отчеству, а со средней степенью уважения – прекрасно знал все местные входы-выходы и подсказывал, куда и к кому обращаться, чтобы решить тот или иной вопрос. Получалось, как в бейсболе: Никитич подбрасывал мяч, а Вальдемар лупил по нему лаптой, при телефонных переговорах с нерасторопными аборигенами ссылаясь на статус москвича, уполномоченного обеспечить заседание Межрегиональной группы народных депутатов СССР.

Никитич носил в кармане пакетик с леденцами наподобие тех, что раньше давали в самолётах, и часто посасывал их, отчего говор его становился невнятным. Это был стойкий, по-видимому, закалённый в боях борец за демократию. В паузах, между делом, он темпераментно, с обилием восклицательных и вопросительных знаков разъяснял, почему выборы по производственным округам абсолютно неприемлемы.

– Во-первых, Вальдемар, в парламенте рабочие и крестьяне не нужны. Хватит! Кухарки вдоволь науправлялись государством, и результат налицо. Принятие законов – дело людей свободных профессий. Во-вторых, заводские, они, по сути, заложники администрации, а самостоятели из ОФТ – орудие консервативного партаппарата, убежище для убожества. Ложной

лжи ложь! В-третьих, о каком классовом сознании рабочих сегодня говорить? Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Где они, эти «все страны»? На производстве инженеров больше, чем рабочих. Но им тоже на экологию, на городские проблемы плевать, бьются только за свои зарплаты. Новые тред-юнионы! А для территориальных округов как раз эти проблемы главные.

Вальдемар, вместе с Никитичем или без него, как угорелый носился по переходам и этажам Дворца молодёжи, пока кто-то из дворцовой obsługi не поймал его, чтобы сказать:

– Вас срочно просят к телефону. В приёмной директора.

Звонил Рыжак. Равнодушно-спокойным тоном, выдававшим скрытое торжество, спросил:

– Ты видел сегодняшний «Вечерний Свердловск»?

– Что это? – не понял Вальдемар.

– Газета, газета. Зайди к директору, у него наверняка есть экземпляр. Почитай.

То, что Вальдемар увидел в газете, его потрясло. Это было письмо Шмотьева под заголовком «Против такого съезда». В нём говорилось:

«28 июля в газете “Вечерний Свердловск” была опубликована моя заметка “Голосую за фронт трудящихся”. Я писал о том, что побывал в Ленинграде на заседании оргкомитета Объединённого фронта трудящихся. И в то время пришёл к выводу, что опыт Ленинграда нам полезен. Сейчас считаю нужным объяснить свою нынешнюю точку зрения тоже на страницах газеты “Вечерний Свердловск”.

Народные депутаты СССР Уральского региона планируют провести в Свердловске совещание народных депутатов СССР для выработки программы действий на предстоящем Съезде народных депутатов СССР. Но ОФТ, имеющий в своей основе “привлекательную” идеологическую платформу, ведёт деятельную подготовку к проведению в Свердловске в эти же дни учредительного съезда ОФТ России. По моему убеждению, приняв во внимание, что народные депутаты из Ленинграда, Москвы, Свердловска не поддерживают это движение, поняв, что идейные вдохновители фронта заигрывают с рабочим классом, я отказался принимать участие в работе съезда. Считаю, что проведение съезда ОФТ в Свердловске нецелесообразно».

Вальдемар уединился в штабной комнате и ещё раз перечитал письмо. Голова шла кругом. В Москве Рыжак говорил, что совещание МГД в Свердловске нарочно придумали после объявления о съезде ОФТ, а Шмотьев всё выворачивает наизнанку. И вот он, сокрушительный удар. За два дня до съезда! Рассчитали грамотно – чтобы уже не смогли перенести на иную дату или в другой город. Цель достигнута. Но как это согласуется с бесконечными призывами к демократии, честности, свободе? Вспомнил питерского Яснопольского: того тоже не смущала откровенная подтасовка для очернения ОФТ. Но в Питере мы проиграли, ребята учли промах и на сей раз подготовились капитально. ОФТ капут! Но ведь нечестно...

За и против в его сознании перемешались, по очереди обгоняя друг друга. Разум восхищался блистательной победой над идейным противником – нет, бери выше, над врагом. Но в душе теснились сомнения. Поистине: живём умом, переживаем сердцем. Мозг сверлили воспоминания об услышанном в музее-квартире Кирова, и он не мог отрешиться от мысли, что правда у ОФТ всё-таки есть. И вдруг поверх всех за и против его охватила та глухая тоска, на которую он жаловался Аняте. Они схватили ОФТ за горло! Исподтишка, как в тёмной подворотне. Они хотят скинуть эту власть, ОФТ может им помешать, и они не брезгают ничем, они подкупили Шмотьева – одна фамилия чего стоит! И вслед за этим прозрением вывод: «Но я же знаю, что я для них чужой; они этого не знают, считают меня своим, а я – чужой. Святость и блуд! Я дерусь за идею, а они хапуги, они жаждут личной выгоды. Но они свирепствуют уже не в местном масштабе, как суетливые парни в Доме на набережной, они нацелились править страной. И если они так – слово “так” он словно выкрикнул, хотя рта не раскрывал, – идут во власть, что же они будут вытворять, когда власть захватят? Нет, среди них для меня места не найдётся.

Но что делать? Высказать Рыжаку всё, что я о них думаю, и рвануть в Москву? И что дальше? К тому же он посвятил меня в такие тайны, носитель которых становится для них опасным. А эти ребята, судя по всему, готовы на всё...»

Чувство безысходности, даже безвыходности душило его, словно жуткие объятия анаконды.

Измученный, обессиленный не от беготни по Дворцу молодёжи, а от душевных терзаний, он решил в приступе тоски поймать такси и ехать в гостиницу. Но неожиданно вспомнил о Зое – надо бы пообщаться с её сыном, разузнать кое-что: она говорила, Николай может рассказать такое, о чём в газетах не пишут. В газетах не пишут! Куда уж больше, чем письмо Шмотьева!

Связь в штабе уже наладили, он достал из нагрудного кармана листок с номером телефона, позвонил – его сразу узнали, – сказал, что готов немедленно приехать. По голосу понял: Николай тоже не в себе, видимо, каким-то боком завязан на ОФТ, и, сам не понимая, откуда у него такая прыть, сказал напрямую:

– Ты читал «Вечерний Свердловск»?

Николай сразу всё понял и ответил кратко, одним словом, в котором сполна отразилась необъятная гамма чувств, обуревавших его:

– Сука!

Потом спросил:

– Вы где? Во Дворце молодёжи? Мы почти рядом, на Челюскинцев. Адрес у вас есть? Выйдете из дворца и направо, всего-то метров триста. Ждём.

Стол уже был накрыт. На цветистой клеёнке – это верный признак жизни внатяг – скромные чайные приготовления. Николай по вопросу о «Вечернем Свердловске», видимо, решил, что Вальдемар на их стороне, – его все обманно принимают за своего! – сразу бросился в главную тему:

– Газету я не видел, но по городу идёт жуткий обзвон. Мне прочитали письмо Шмота по телефону. Негодяй, подлец! Квадратная душа! Цирк с конями устроил! Втёрся в доверие, – рабочий человек! – ему поручили заказать автобусы, гостиницу, договориться об аренде дворца. Он заказал, договорился – всё от имени нашего съезда. И передал все договорённости межрегионалам. О предательстве мы узнали ещё вчера, подняли шум, и он был вынужден оправдываться через газету. Зато теперь все понимают, какая это продажная тварь, не только в Свердловске, по всему Уралу. Наследил!

Вальдемар не знал, что сказать, отделяваясь лишь невнятными кивками головы. А Николай разошёлся:

– Ничего! Они думают, что похоронили нас, а съезд всё равно проведём. На вершок от беды были, а уже есть договорённость с Верх-Исетским металлургическим, они пустят нас в свой рабочий клуб. Этот Шмот – в гробу мы его видели, в белых тапочках! – он ведь с ВИЗа, за предательство тамошние на него зуб поимели, ещё неизвестно, как ему в цех возвращаться. В отместку и предоставили нам помещение старого клуба. Без препон. Разместим делегатов на окраине, в здании профсоюзных курсов. А автобусы... На трамвае доедут, там как раз трамвайное кольцо у заводской проходной. Перекусить можно в заводской столовой. – Улыбнулся. – Привыкли, пашем до глины, а едим мякину. Ничего, прорвёмся!

Когда сгоряча выговорился, спросил:

– А вы в Свердловске по каким делам?

Вальдемар ждал этого вопроса, ответил без запинки, туманно:

– Я ведь в авиационном НИИ служу. На Урале по нашему направлению много чего есть.

В «Свердловск» он ехал на такси. Паника, охватившая его после письма Шмотьева, улеглась, анаконда уползла. Теперь он трезво обдумывал своё дальнейшее поведение и довольно легко пришёл к выводу, что здесь, в Свердловске, никаких опрометчивых шагов делать не сле-

дует, пусть всё идёт как идёт. А там видно будет, надо с Анютой посоветоваться. И когда лоснящийся от довольства самим собой Рыжак спросил его: «Ну что, читал?», спокойно ответил:

– Ну, Дмитрий, ты даёшь! Всё как по маслу, сработано на пять с плюсом.

– Ладно, эту станцию мы проехали, – со скромной улыбкой принял комплимент Рыжак. – Теперь надо думать, как сподручнее провести заседание нашей группы. Завтра после обеда соберёмся в штабе. Там всё в порядке? Связь налажена?

Утром Вальдемара опять привезли во Дворец молодёжи, и снова началась беготня, вечно перерастающая в истерику последних приготовлений. Зато он как бы само собой остался в штабной комнате, когда в неё гурьбой ввалились народные депутаты СССР. Он примостился на стульчике у дверей, а Никитич, который на равных вошёл вместе с депутатами, сел поближе к Бурбулису.

Для Вальдемара это был праздник наблюдений. Он никогда и мечтать не смел, что окажется рядом с такими знаменитыми личностями, как Бурбулис, Травкин, Старовойтова. Рядом с самим Андреем Дмитриевичем Сахаровым! Академик пришёл вместе с Боннэр, и их усадили не за длинный заседательский стол, а чуть в сторонке, в мягкие кресла у боковых окон. В обсуждении текущих вопросов Андрей Дмитриевич участия не принимал, и Вальдемар подумал: «Наверное, это его желание».

Председательствовал Бурбулис, сидевший в торце стола, около него – два телефонных аппарата, которые иногда звонили. Он что-то приглушённо, прикрывая рот рукой, говорил в трубку, а многоголосые обсуждения тем временем продолжались. Суть словесных упражнений Вальдемар не ухватывал, ему было гораздо интереснее наблюдать, чем слушать. Но в какой-то момент, держа трубку около уха, Бурбулис резко взмахнул рукой, требуя тишины. Все разом умолкли, поняв важность телефонного звонка, и в полной тишине раздавалось лишь «так... так... так... так...» Бурбулиса, который таканьем обозначал, что очень внимательно слушает.

Когда положил трубку, медленным взглядом обвёл собравшихся, заговорил отрывисто:

– Сегодня не наш день. Ситуация изменилась. ОФТ всё-таки проводит съезд. В заводском клубе. Прибыли 110 делегатов из 29 городов РСФСР плюс делегации из Молдавии, Латвии, Эстонии и Таджикистана. – Обратился к Сахарову: – Андрей Дмитриевич, они приглашают вас для обмена мнениями, по сути, для дискуссии... Да, ситуация круто переменялась, и мы обязаны оперативно на неё реагировать. Какие будут предложения?

Первым взвился Шмотьев:

– Незачем ОФТ лезть на Урал! Надо противодействовать быстро и наверняка.

– Чем лозунгами швыряться, лучше скажи, как противодействовать, – осадил его кто-то. – Может быть, просто игнорировать, не замечать? И поработать с местными СМИ, чтобы они съезд ОФТ замолчали.

На этот раз Шмотьев и вовсе взорвался:

– Это что же? Сгорел сарай, гори и хата? Вы не знаете здешних порядков. Игнорировать не получится. Газеты не выйдут, а весь город всё равно будет гудеть про их съезд. Надо перехватить инициативу, направить к ним народных депутатов, чтобы они высказали нашу точку зрения о подстрекательстве и провокациях ОФТ. Их не унять, так они всех взбунтуют!

– Ну пошлём, и что?

– А вот тут-то и надо поработать со СМИ. Они охотнее преподнесут точку зрения известных народных депутатов, чем каких-то там бузотёров, и опорочат их съезд. Но выступить там надо крепко. И не депутатов из свободных профессий послать, а человека рабочей закалки. Я предлагаю Травкина. Николай Ильич и каменщиком был, и монтажником, и прорабом. Он с такой публикой разговаривать умеет, устыдит. А, Николай Ильич? Щекотните их соломинкой в нос, чтоб чихнули.

– На дурака не нужен нож, – лениво откликнулся Травкин и махнул рукой в знак согласия. С хитрецей и подвохом спросил: – Их критиковать или хаять?

Но неожиданно поднялся Никитич.

– Извините, Геннадий Эдуардович, я человек здешний, местные обычаи знаю досконально и считаю, что вместе с Николаем Ильичём должен пойти ещё кто-то. Одному там нельзя, не приведи Господи, оклеветают.

– Верно! – воскликнул Шмотьев. – Кто ещё? Может, Шаповаленко? – Посмотрел на мужчину средних лет, который сидел напротив. – Иван Иванович, вы из Оренбурга, считайте, тоже Урал.

Бурбулис удовлетворённо кивнул, сказав, что детали очного противостояния на съезде ОФТ будут уточнены позднее в техническом порядке, и перешёл к следующему вопросу, намекнув, что это вопрос более сложный.

– Андрей Дмитриевич, как вы относитесь к тому, что они вас приглашают?

Сахаров слегка пожал плечами, в своей мягкой, спокойной манере ответил:

– Если приглашают, почему бы не откликнуться?

Никитич вскочил, как на пружинах.

– Андрей Дмитриевич, они вас не приглашают, а вызывают! Ни в коем случае нельзя идти у них на поводу. Они неспроста вас домогаются, через ваше имя пиару хотят ухватить. У них всё с замыслом-умыслом.

«Сейчас он начнёт заламывать руки, – с иронией подумал Вальдемар. – Упоротый мальчуган».

Никитича сразу поддержала Старовойтова:

– Аплодирую стоя. Они хотят устроить политическую диверсию. Андрей Дмитриевич, ваше появление на их съезде легитимизирует его. Мы не вправе сдавать свои позиции.

Вальдемар заметил, как Боннэр что-то шепнула Сахарову. А он продолжил упорствовать:

– Ну почему же? Поговорить с рабочими – это важно. Мне кажется, я сумею разъяснить им нашу позицию. Только в диалоге можно найти согласие среди вражды.

Михаил Бочаров, не просто народный депутат, а член Верховного Совета СССР, жестом попросил внимания. Напрямую не обращаясь к Сахарову, но явно в его адрес веско сказал:

– Мне поручено на заседании нашей группы сделать специальное сообщение об этом ОФТ. И я основательно разобрался в том, что представляет собой эта публика. Скажу откровенно: мы должны, нет, мы обязаны заглушить эту опасную низовую инициативу. Видите, несмотря на наши усилия – и немалые! – сорвать съезд не удалось. Их люди прибыли из тридцати городов! Это много. На мой взгляд, сегодня они представляют для нас большую опасность, чем уходящие в небытие партийные функционеры. Убеждён: создание ОФТ – это одно из звеньев общего наступления на прогрессивно мыслящих депутатов. ОФТ стоит в одном ряду с требованием создать органы рабочего контроля и рабочие отряды по охране общественного порядка. А преобразование «Строительной газеты» в «Рабочую трибуну»? – Завершил кантату на патетической ноте: – На нас идёт откровенное наступление, мы обязаны задавить эту рабочую фронду.

Но Сахаров не отступал:

– Я не могу позволить себе проигнорировать приглашение рабочих...

– Андрей Дмитриевич, вопрос стоит совершенно иначе, – подводя итог дебатам, проникновенно сказал Бурбулис. – Как сказано Сократом, мнений много, а истина одна. Дело в том, что в свердловском суде сейчас идёт процесс над одним из членов «Демократического союза», которого ложно обвинили в нападении на милиционера во время митинга. Об этом процессе уже сообщили радио «Свобода», другие независимые СМИ. Андрей Дмитриевич, мы просто обязаны встать на защиту нашего товарища и делегируем вас для обстоятельного разговора с судьёй. Объясните ему, что в случае несправедливого вердикта дело пахнет депутатским запросом. Лучше вас этого не сделает никто, вам просто необходимо поехать в суд. А приёмные часы у судьи по времени совпадают с тем временем, когда вас приглашают на съезд ОФТ. –

Тут же поправил себя: – Да, я согласен, не приглашают, а вызывают. Думаю, Николай Ильич скажет им, что вы заняты неотложным делом.

Обретя опыт общения с Рыжаком, Вальдемар ничуть не сомневался, что за фасадом визита Сахарова к судье кроется такая же заготовка, «на всякий случай» продуманная заранее, как и письмо Шмотьева в газете.

Свою авангардную, точнее, передовую миссию по подготовке заседания Межрегиональной группы Вальдемар выполнил и вечером позвонил Николаю, спросил, как попасть на их съезд. Тот ответил:

– Да никак! Приезжай на трамвае и заходи в клуб, охраны нет.

Звонил он, как говорится, просто так, потому что не решил, с кем «заседать»: во Дворце молодёжи или с ОФТ? Кому руку подать, а кому кулак показать? За этой дилеммой крылось смятение, охватившее его уже не впервые. В голове шло кружение: чума холеры не лучше. Конечно, ОФТ он принять не мог, в его глазах они были сторонниками, даже защитниками гнилой командно-административной системы, которую давно пора отправить на свалку истории. Но вожди межрегионалов с их своекорыстными помышлениями ко благу потрясли его. Вот это режимборцы! Ханжи беспринципные, с какой яростью они крыли рабочий съезд! В два веника метут, крепко зажмурив совесть, рвутся к власти. Радетели демократии? Нет, безбожники с именем Бога на устах. И этот демон демократии, апостол демагогии Бурбулис! Как они шельмовали ОФТ! Как они уламывали совестливого Сахарова, ломая все представления о порядочности! Сахарова, который публично заявил о том, что Горбачёвым могут управлять закулисные силы. А ведь верно сказала Старовойтова: его дискуссия с ОФТ легитимизирует съезд. И они костыми легли, чтобы не допустить встречи Андрея Дмитриевича с рабочими.

Сомнения снова одолевали его. Вспомнил «объятья ужасом» и подумал: прежние сомнения уже переросли в смятение, и теперь он движется к щедринским «объятьям страхом». Воистину: люди живут рассудком, а переживают сердцем. Боже мой, как нужна была ему в этот момент Аня!

Заснуть он не мог долго, переживания донимали, как изжога. Пока не пришла спасительная мысль, неизменно помогавшая ему отсрочить принятие важных решений: надо прикинуть, где интереснее, только и всего. Чего терзаться? Зачем эти душевные муки, эти метания между за и против?

10

В старом, довоенной постройки, клубе Верх-Исетского завода с грязно-зелёными стенами и жёсткими стульями людей было много, однако не битком. Вальдемар сел в предпоследнем ряду и стал осматриваться. Обстановка резко контрастировала с просторным Дворцом молодёжи в центре города, где заседали межрегионалы. Там были два роскошных по нынешним скудным временам буфета с изысками – от чернослива в сахаре и лущёных грецких орехов до любых пирожных и бутербродов с отнюдь не магазинными яствами. Вальдемар лично приложил руку к организации этого гастрономического раздолья, настрашав местных общепитовцев, и они постарались на славу. А делегаты рабочего съезда собрались на окраине, в плохеньком зале, и бегали перекусить в заводскую столовку, которую, как гласило объявление, закроют в четыре часа, потому что там назначены чьи-то поминки. Вальдемар поневоле занялся сравнением «там» и «здесь», но вдруг на соседний стул плюхнулся средних лет мужик, худощавый, с волевым лицом, в повседневном тёмном пиджачке. И когда первым выступающим был объявлен член Верховного Совета СССР прокатчик Нижнетагильского металлургического завода Вениамин Ярин, сосед поднялся и пошёл к столу президиума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.